18+

Валерий Любачевский

Погоня за оборотнями

Детективно-психологические романы

Валерий Любачевский

Погоня за оборотнями. Детективно-психологические романы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20583973
ISBN 9785448308345

Аннотация

Валерий Любачевский, много лет проработавший следователем по особо важным делам, известен читателю по книге «Будь ближе к врагу своему». В новых романах автора – «Выродки» и «Еще раз о любви» – действует тот же коллектив следователей. Они справляются с самыми трудными задачами, восстанавливая в людях веру в справедливость.Романы читаются на одном дыхании, потому что показывают жизнь такой, какая она есть, и дают возможность самим «поучаствовать» в розыске преступников. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Выродки 5
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Погоня за оборотнями
Детективно-психологические романы
Валерий Любачевский

© Валерий Любачевский, 2016

ISBN 978-5-4483-0834-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выродки

Хмурым осенним вечером по пустырю, поросшему редким кустарником, брели трое молодых парней. Старшему из них – белобрысому крепышу – было на вид лет семнадцать. Лицо его можно было бы признать даже красивым, если бы не недоброе, змеиное выражение глубоко посаженых серых глаз. Старшим он был отнюдь не по возрасту, но во всех его повадках ощущалось превосходство над остальными членами маленькой компании. Он привык помыкать ими и не прощал ни малейшего ослушания.

Второй парень – чуть повыше ростом, рыхлый, со слегка дебильным выражением лица – был ровесником первого, но подчинялся ему беспрекословно.

Замыкал шествие невысокий худенький парнишка лет шестнадцати, смуглолицый, в бегающих глазках которого проскальзывали страх и затравленность. Он нес на плече лопату и изредка бросал испуганный взгляд на старшего.

Большой пустырь находился на берегу реки, примыкая к рыбному порту. От жилого массива его отделяла полузаброшенная тополиная аллея, заросшая неухоженным кустарником. На берегу ржавел старый рыболовецкий сейнер, который когда-то вытащили для отправки на металлолом. Прежде его нужно было порезать на куски автогеном, однако сил и средств на это, видимо, не нашлось. Так и валя-

лась годами на берегу эта старая, ржавая махина, возле которой со временем стали ошиваться разные темные личности. Здесь, вдали от посторонних глаз, они устраивали попойки, которые нередко заканчивались кровавыми разборками. Милиции эта криминогенная точка была, конечно же, известна и даже входила в маршрут патрулирования. Летом пешие наряды довольно часто заглядывали на пустырь – но кто полезет сюда в осеннюю распутицу, чтобы измазаться в грязи или, еще хуже, подвернуть себе ногу в какой-нибудь рытвине.

Старшему все это было хорошо известно, поэтому он вел сюда свою компанию спокойно, не опасаясь кого-либо встретить. Около сейнера находилось кострище с остатками золы и непрогоревших поленьев. Вокруг кострища расставлены ящики, которые, по неписаному закону собиравшейся здесь шантрапы, нельзя было использовать в качестве топлива – слишком издалека приходилось их сюда таскать. Но «старшему» было откровенно наплевать на эти «законы». Он сломал один ящик на дрова и разжег костер, потом ловко и быстро, подсвечивая себе фонариком, осмотрел сейнер, чтобы убедиться в его «необитаемости».

Все трое уселись вокруг костра.

– Давай! – скомандовал Старший.

Дебил достал из внутреннего кармана куртки бутылку водки и услужливо протянул ее Старшему. Тот ловким движением свинтил пробку и сделал большой глоток из гор-

лышка. Дебил протянул ему кусок колбасы и краюху хлеба. Старший» закусил и, еще раз глотнув из бутылки, передал ее и остатки пищи Дебилу. Тот, одним глотком уполовинив водку, доел объедки и сунул бутылку, в которой еще оставалось не менее трети, в руки Младшему.

– А закусить нечем? – жалобно заныл тот.

– Пей! Мужик ты или нет? – захохотал Старший. – Хочешь жрать – землей закусывай!

Дебил подобострастно хихикнул. Младший, морщась, допил водку.

– Все, хватит рассиживаться! Иди, копай, – Старший сунул ему в руки лопату.

– А может не надо? – испуганно прошептал Младший.

– Копать, мудак! – рявкнул Старший, подкрепив свои слова зуботычиной.

– Где копать? – захныкал Младший, утирая разбитые губы.

– За бугром, баран, чтобы от костра не было видно!

Младший, волоча за собой лопату, поплелся к бугру, находившемуся метрах в двадцати от костра. Вскоре оттуда донеслось характерное «чавканье» лопаты, роющей влажный, ослизлый грунт.

Старший и Дебил закурили. Минут через пятнадцать к костру подошел Младший, весь измазанный грязью.

– Я устал, я больше не могу, – жалобно захныкал он.

– Иди, смени этого дохляка! – бросил Старший Дебилу.

Тот послушно встал, направился к яме и принялся копать дальше. Работал он размеренно, словно не чувствуя усталости.

– Молодец! – похвалил его Старший. – Только давай быстрее – осталось не больше часа времени.

Старший посмотрел на Младшего. То ли от страха, то ли от выпитого (много ли надо этому тщедушному сопляку?), но тот трясся в ознобе.

– Не бзди, задрота! – Старший сунул Младшему сигарету. – Не трясись. Сегодня я из тебя мужика буду делать!

Младший в ответ лишь испуганно закивал головой. Минут через сорок к костру вернулся Дебил.

– Все, – буркнул он, протянув к огню озябшие руки, – там уже по грудь…

Старший раздал всем по сигарете. Молча закурили. Минут через двадцать послышались шаги – кто-то шел по направлению к костру. Младший затрясся еще сильнее.

– Глохни, сучок! – Старший влепил ему затрещину…

…Старший следователь по особо важным делам майор милиции Островецкий сидел в своем кабинете и машинально перелистывал страницы уголовного дела по шайке квартирных воров. Нужно было приступать к составлению обвинительного заключения, но Олег медлил. Следствие по делу, собственно, было закончено еще месяц назад, но тогда он не успел написать «обвиниловку» – на него повесили рас-

крытие убийства полковника Митрофанова[1], потом произошел августовский путч… В стремительном водовороте этих событий было как-то не до «квартирщиков».

Теперь же, когда все устаканилось, можно было бы спокойно завершить это дело, но что-то мешало, не давало покоя. Олег достал лист ватмана с шахматной таблицей по делу, в которой наглядно был обозначен весь расклад: эпизоды, состав участников по каждому из них, следственные мероприятия… Островецкий знал эту таблицу наизусть, но все равно углубился в ее изучение. Таблица имела почти законченный вид: двадцать два эпизода преступной деятельности, четыре фигуранта, в том или ином сочетании постоянно участвовавших в кражах. Однако был еще и пятый – некто Карлис Крауклис, по кличке Художник, который напрочь выпадал из общей картины. Он участвовал лишь в последнем эпизоде – краже из дома Мары Крумини, совершенной на пару с лидером группы Гвидо Сескисом по кличке Хорек.

Сескис получил свою кличку не только потому, что его фамилия в переводе означала «хорек». Он и был похож на хорька – хитрый, подлый, беспринципный. На следствии он вел себя нагло, вызывающе, игнорируя очевидные факты и улики. Трое его подельников: Гулбис, Юркевиц и Рогис, молодые парни двадцати двух – двадцати трех лет от роду, во всем сознались и сотрудничали со следствием, обоснованно рассчитывая заслужить снисхождение, но Хорек, движи-

---

[1] * См. 1-ю книгу трилогии – «Будь ближе к врагу своему».

мый глупой блатной романтикой, решил изображать из себя крутого уголовника. Однако, будучи ранее не судимым, и не имея опыта «общения» со следственными органами, делал это неудачно. Опытный уголовник, обычно, отпирается до определенного предела, но под давлением улик либо признается, либо уходит в «несознанку» – вообще перестает давать показания. Естественно, если он признается, то только в том, что ему доказано, но нести околесицу опытный урка не станет – глупо и бессмысленно. Зачем понапрасну раздражать следователя?

Хорек же плел разные небылицы, на которые, тем не менее, нужно было как-то реагировать, пока Олег не сказал ему:

– У тебя есть право молчать – вот и молчи! Все, что надо – я тебе и так докажу!

После этого Хорек немного утих, перестал нести чепуху, но и показаний не давал. Ему было двадцать четыре года, и в своей кодле он был самым «авторитетным» товарищем.

Как и на какой почве Художник мог с ним сойтись, Олегу было неясно. Ранее они вроде бы не пересекались, Художнику вообще тридцать два года, он намного старше остальных участников группы. Ну пьяница, ну развелся на этой почве с женой и потерял работу оформителя в комбинате бытового обслуживания – отсюда и кличка Художник – но ведь не вор! За свои тридцать два года он ни разу не попадал в поле зрения милиции. Нет, что-то здесь не то. Художни-

ка взял Ояр Долгоногов, притащил пьяного прямо от винно-водочного магазина. Когда Художник маленько протрезвел, ему устроили опознание – двое мальчишек видели, как он вместе с Хорьком тащил битком набитые чемоданы от дома Мары Крумини. На очной ставке мальчишки подтвердили, что именно он из-за забора, огораживающего участок Мары, подавал Хорьку чемоданы, а затем они вдвоем потащили эти чемоданы к автобусной остановке. При обыске в квартире Художника были обнаружены шесть серебряных чайных ложечек довоенной работы с черенками в виде животных и птиц, выполненных из бордового перламутра. На каждой были инициалы: «КК». Мара Круминя опознала эти ложечки как свои и показала, что они достались ей от покойного отца – Кристапа Круминьша, который и изобразил на них свои инициалы.

Таким образом, Художник был обложен уликами «по самое не могу», но, вопреки логике, не признавал себя виновным и лишь, мотая головой, тупо твердил: – Я ничего не крал.

Положение еще усугублялось тем, что Художник вообще не давал никаких пояснений по этому эпизоду, заявив, что не помнит ничего подобного. Олег отодвинул от себя «шахматку» и набрал на телефоне номер Ояра.

– Внимательно… – раздалось в трубке вместо приветствия. Старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан милиции Долгоногов был в своем репертуаре.

– Уважаемый Ояр Петрович, – в тон ему начал Олег, – а не соблаговолите ли Вы заглянуть ко мне в кабинет?

– Не соблаговолю, досточтимый Олег Семенович, – Ояр продолжал ерничать. – По высочайшему соизволению моего непосредственного начальника – Владимира Ивановича Шестакова – я разбираю ДОРы[2], в коих, по его мнению, «конь не валялся».

– И ты думаешь, что меня это очень возбудило? Твои ДОРы, вместе с конями, обождут! Дуй сюда! – Олег положил трубку и включил электрический чайник.

Через пять минут дверь в кабинет отворилась и на пороге, чуть пригибаясь, чтобы не задеть головой косяк, возник Ояр Долгоногов.

– Что изволите, Ваше Высокоблагородие? – под шутливой маской Ояр весьма неумело пытался скрыть раздражение.

Он уселся на стул, стоящий напротив стола Олега, и вытянул свои длиннющие ноги, перегородив ими проход. Руки при этом Ояр скрестил на животе. Вся его огромная фигура выражала крайнюю степень недовольства. Олег, нимало не смущенный этой демонстрацией, налил в большую эмалированную кружку крепкого чая, бросил туда семь или восемь кусочков рафинада и сунул кружку прямо в руки Ояру. Кружка была горячей, и тот сразу же перехватил ее за ручку.

– Хам! – поморщился Ояр.

– И Вам не хворать! – спокойно парировал Олег. – Попей

---

[2] * Дела оперативной разработки.

вот настоящего чайку, а не того пойла, которое ты привык хлебать.

– Олег, я пришел сюда не чаи распивать. У меня дел – во! – Ояр чиркнул себя ребром ладони по горлу. – Говори, чего звал?

– Пей и слушай! Я сейчас заканчиваю дело «домушников». Надо писать «обвиниловку»…

– Ну и что тебе там не ясно?

– Ояр, а тебе при воспоминании о Карлисе Крауклисе не икается?

– *Мне*, – Ояр сделал ударение на этом слове, – не икается! Я так и знал, что ты опять к чему-нибудь прицепишься. Ну, что тебя опять не устраивает?

– Да не укладывается у меня Художник в схему этого преступления…

– Ну, так уложи!

– Шутки у тебя идиотские! Да, он пьяница, опустившийся человек, но ведь не вор же. За всю свою жизнь он ни разу не попадал в поле нашего зрения.

– Все когда-нибудь случается впервые. Ты же сам сказал: пьяница, опустившийся человек… Мало ли у тебя было случаев, когда пьющий человек, изначально вроде бы и неплохой, постепенно деградировал бы и, в конце концов, преступал бы грань и совершал преступления? Пруд пруди…

– По-моему, не тот случай. А разница в возрасте? Да

и по характеру, по воспитанию Художник совершенно выпадает из этой шоблы.

– Не убедил. А хочешь, я тебе расскажу, как все было? Хорьку нужна была помощь, чтобы «поставить хату»[3]. Мысль возникла спонтанно, вот он и нашел у винно-водочного первого же попавшегося алкаша – Художника – и предложил ему дело. А тот, будучи пьяным, согласился, чтобы было на что продолжить. Нет, может, по трезвяку он бы и не пошел, а так… Ну, как тебе такой расклад?

– А между прочим, пальчиков Художника ни в доме, ни на окне, через которое было совершено проникновение, нет. Хорька – сколько угодно, а Художника – нет!

– Это еще ничего не значит. Может, Художник стоял на стреме и принимал вещи, а Хорек шерудил в хате. Логично?

– И все-таки я не уверен в этом. Да и Художник, вопреки очевидным фактам все отрицает.

– А Хорек тебе все рассказывает!?

– Художник – не Хорек! Я это чувствую…

– Чувствуют, сам знаешь что, и сам знаешь где…

– Короче, – перебил его Олег. – Я решил еще покопаться в этом деле.

– Я – пас! На меня не рассчитывай! Если Володька Шестаков узнает, что я опять завис на «домушниках», он меня повесит за яйца на первом же фонаре возле отдела.

---

[3] * Обокрасть дом или квартиру *(жарг.)*

– А вот это мы сейчас проверим, – усмехнулся Олег и принялся набирать номер телефона начальника угрозыска.

– Шестаков, – донеслось из трубки.

– Привет, Володька! – Олег решил сразу же брать быка за рога. – Я хочу еще покопаться в деле Крауклиса…

– Даже не думай! Никого не получишь! – перебил Шестаков. – У меня дел – выше крыши. Каждый человек на счету. Не дам!

– Дашь! – ласково произнес Олег. – Еще как дашь! А не то, я тебя отдельными поручениями[4] завалю по самое не балуй… Причем, проверять твои ответы буду не формально, как всегда, а до последней буквы. Ты же меня знаешь…

В ответ в трубке послышалось злое сопение.

– Хорошо, – в конце концов, отозвался Шестаков. – От тебя же не отвяжешься! Одно слово – Бультерьер, не зря тебя так прозвали. Ладно, дам тебе кого-нибудь на денек…

– Не кого-нибудь, а Ояра – он в деле, и не на денек, а минимум на два!

– На день!

– На два! И не торгуйся – не на базаре! Управимся за день – верну тебе твоего Ояра.

– Тьфу! – возмущенно сплюнул Шестаков и бросил трубку.

– Вот видишь, а ты, дурочка, боялась! – усмехнулся Олег,

---

[4] * Отдельное поручение следователя органам дознания на выполнение тех или иных следственно-оперативных действий.

обращаясь к Ояру. – Договорился я с твоим начальством…

– А я еще посмотрю, как ты со своим договариваться будешь, – ухмыльнулся Долгоногов. – О, а вот и оно – легко на помине, – Ояр довольно улыбался, глядя на вошедшего в кабинет подполковника Баранникова – начальника следственного отдела. Он уже предвкушал «бой быков» и не ошибся.

– А что это тут происходит? – настороженно спросил Баранников. Обостренным нюхом старого «следака», он почувствовал, что Островецкий собирается выкинуть какой-то фортель.

Долгоногов, широко улыбаясь, жестом ресторанного швейцара пригласил Олега к докладу: давай, мол, излагай, а я погляжу – Баранников это тебе не Шестаков…

– Видишь ли, Федотыч, – Олег дружески-фамильярно обратился к Баранникову по прозвищу, пытаясь еще в зародыше как-то притушить неминуемую вспышку гнева. – Я понял, что надо еще покопаться в деле Крауклиса.

– Что!? – взревел тот (заводился он с полуоборота). – Я зашел к тебе поторопить с «обвиниловкой», а ты мне заявляешь, что следствие еще не закончено. Мы этапировали обвиняемых на «двести третью», а ты говоришь, что собираешься продолжать следствие. Островецкий, ты совсем совесть потерял?

На крик в кабинет зашел заместитель начальника следственного отдела подполковник Скворцов.

– Что за шум, а драки нет? – Лев Николаевич с улыбкой смотрел на собравшихся.

А посмотреть действительно было на что. Посреди кабинета друг напротив друга стояли, набычившись, Островецкий и Баранников. Первый – рослый атлет, хмуро насупившись, навис над Федотычем. Баранников же, невысокого роста крепыш, уперев руки в бока, гневно снизу вверх уставился на Олега, при этом буденовские его усы грозно топорщились.

– Нет, ты видал паразита? – обратился он к Скворцову. – Мы вертимся, как ужи на сковородке, чтобы дать этому охломону спокойно разбираться по своим делам, а он заявляет, что будет продолжать работать по Крауклису! Да я тебя завалю делами по самые помидоры! – Федотыч вновь повернулся к Олегу. – Ты у меня света белого не увидишь!

– Как завалишь – так и развалишь! – начал заводиться и Олег. – Я заброшу твои дела в сейф, и они будут там валяться, пока я не разберусь с Крауклисом. Я отвечаю за расследование, и я буду решать, когда мне заканчивать дело! Не нравится – забирай его на хрен и сам передавай в суд!

– Стоп-стоп-стоп, – успокаивающе поднял руки Скворцов. – Ояр, выйди, пожалуйста, из кабинета, нам поговорить надо.

Олег и Федотыч наконец-таки обратили внимание на Долгоногова, с довольной ухмылкой наблюдающего за скандалом в «семействе» коллег.

– Да, Ояринь, подожди в коридоре, – попросил Олег.

– Ничего-ничего, ребята, я вам не помешаю, – Ояр совершенно не собирался отказываться от бесплатного цирка.

– Выдь за дверь! – рявкнул Федотыч.

– Всё-всё, лисапет поехал, – и быстренько покинул комнату.

– Так, все, успокоились! – начал Скворцов, когда дверь за Долгоноговым закрылась. – Олег, объясни мне спокойно, в чем дело?

– Я считаю, что рано передавать дело в суд. Еще много неясностей с Крауклисом, и нужно с этим разобраться.

– Да он у тебя уже больше месяца сидит под следствием, – вновь вступил в разговор Федотыч. – Ты же его сам арестовывал, причем на железных уликах! Прокурор, между прочим, санкционировал арест. И что, теперь ты предлагаешь идти к нему: извините, мол, уважаемый прокурор – ошибочка вышла, не того посадили!? Да он с нас шкуру живьем спустит, и правильно сделает, – вновь начал заводиться Баранников. – А уж урки[5] как взвоют в благородном гневе: следаки, мол, преступников выпускают!

– Да, Олег, неприятностей не оберемся. И все же ты считаешь, что нужно продолжать разбираться с Крауклисом? – Скворцов в упор посмотрел на Островецкого.

– Считаю! – Олег выдержал взгляд. – Либо мы будем сто-

---

[5] * Урки – в данном случае, на местном милицейском жаргоне, сотрудники уголовного розыска.

процентно уверены в виновности Крауклиса, либо докажем его невиновность и выпустим. И согласия прокурора мне в этом случае не требуется! – Олег зыркнул на Баранникова.

– Нет, ты посмотри на него! – всплеснул руками Федотыч…

– Подожди, Иван Федорович, не горячись, – прервал его Скворцов. – Полагаю, надо дать Островецкому возможность продолжить следствие по Крауклису.

– А-а! – в отчаянии махнул рукой Баранников. – Делайте что хотите! Между прочим, Лева, это ты виноват! Ты ему всегда и во всем потакаешь – вот он и садится нам на голову! А потом прибежите ко мне: Иван Федорович, выручай! А ну вас! – Федотыч вновь махнул рукой и выскочил из кабинета.

– Олег, ты уж постарайся побыстрее управиться. Сам понимаешь, ситуация не из приятных! Если мы вернем людей на этап, не произведя никаких следственных действий, нам с тобой достанется по первое число…

– Лева, я все понимаю. Я постараюсь управиться до этапа.

– Ну, добро, – Скворцов вышел из кабинета.

– Что, твоя взяла? – в кабинет вошел Ояр. – Видел я, как Федотыч пулей выскочил отсюда. Командуй, начальник, что будем делать?

– Значит так, ты плотненько отрабатываешь связи Хорька и Крауклиса – ищешь, где они могли пересечься. Попробуй найти свидетелей их разговора. А я займусь личностью Художника – поговорю с его бывшей женой, соседями, схожу

в КБО, где он раньше работал.

– Так у тебя же есть его характеристика с места работы?

– Не тот случай, Ояр. Здесь формальной характеристикой не обойтись. Сам поговорю с людьми. Но сначала схожу в ИВС[6] и допрошу всех по новой. Может, удастся что-нибудь из них вытянуть.

– Ну, тогда, как говорит один твой друг: по коням!

Олег зашел в дежурную часть заполнить бланки требований на вывод арестованных в следственную камеру.

– Привет, Олег, тебя там Крауклис с утра домогается, – сообщил дежурный, не отрываясь от телефонной трубки.

– Чего хотел?

– Очень ему нужно с тобой поговорить.

– Ну, вот сейчас и поговорим…

Олег вызвал на допрос Крауклиса, Рогиса, Гулбиса, Юркевица и Сескиса.

Первым, конечно, стоило допросить Крауклиса. Когда дежурный по ИВС ввел Художника в следственную камеру, Олегу стало немного жаль его: невысокого роста, худощавый от природы Крауклис еще больше похудел и осунулся.

– Присаживайся, – Олег кивнул на привинченный к полу табурет напротив стола следователя. – Что-то плохо выглядишь. Болеешь?

– Тюрьма никого не красит, – невесело усмехнулся Кра-

---

[6] * ИВС – изолятор временного содержания.

уклис. – Не болею я, просто тяжело отходил…

– Это ж как надо бухать, чтобы получить такой «отходняк»? Ладно, говори, чего хотел.

– Товарищ… гражданин следователь, не воровал я ничего!

– Эту песенку я уже слышал. Ты бы мне чего нового спел.

– Знаете, – Крауклис ненадолго замолк, пытаясь собраться с мыслями. Русским языком он владел недостаточно хорошо и сейчас подбирал слова, чтобы поточнее высказать свои мысли. Олег не торопил его.

– Я вот что хотел сказать, – вновь начал Крауклис. – На этапе я встретил одного человека, и лицо его, это, мне показалось знакомым. Я же действительно художник, – как бы извиняясь, добавил он. – У меня хорошая память на лица…

– Ну!? – Олег пристально посмотрел на него. – Вспоминай!

– Я не помню где, но я его точно видел. А на этапе его все называли Хорьком. Он всегда пытался сесть подальше от меня и старался на меня не смотреть.

Олег вышел из-за стола и уселся напротив Крауклиса.

– Послушай, Карлис, может, мне закатать тебе в лоб, чтобы у тебя в башке образовался хоть какой-то порядок?

Крауклис опасливо покосился на внушительный кулак Островецкого. Он принял все за чистую монету.

– Господи, – вздохнул Олег, – как же с вами, алкашами, тяжело! Хорошо, давай зайдем с другой стороны. Ты в по-

следнее время перед арестом помогал кому-нибудь перетаскивать тяжести: чемоданы там, баулы?..

Крауклиса как током ударило. Он аж подскочил на табуретке.

– Ну, конечно же! Я вспомнил! Это же Хорек и попросил меня помочь перенести ему вещи. Сказал, что даст на бутылку.

– А ну-ка поподробнее!

– Мы стояли с кем-то у винно-водочного…

– С кем именно? – напрягся Олег. – Сколько вас хотя бы было? Ну, вспоминай же, черт тебя подери!

– Да не помню я, – напрягая память, Крауклис даже скривился. – Не помню – очень пьяный был…

– Ладно, дальше!

– Тут подошел этот Хорек. Сказал, что надо помочь ему донести вещи до остановки. За это он даст на бутылку.

– Как мотивировал свою просьбу?

Крауклис непонимающе уставился на Олега.

– Ну, как он объяснил, почему ему нужна помощь?

– А он сказал, что уходит из дома, ключа от калитки у него нет, а чемоданы тяжелые, и попросил помочь передать их через забор…

– И тебя не насторожило, что человек уходит из дома, а ключей у него нет?

– Нет, он говорил, что жена хочет обобрать его… а он забирает только свое… а она заперла его и не отдает вещи…

Олег слушал сбивчивую речь Крауклиса, и в нем нарастало глухое раздражение: попропивают, сволочи, последние мозги, а потом влипают в разные истории. Островецкий попытался погасить раздражение.

– Хорошо, – спокойным тоном произнес он, – что было дальше?

– Он привел меня к какому-то дому и, это, попросил передать ему чемоданы. Я перелез через забор, подал ему чемоданы, потом перелез назад на улицу и помог донести вещи до автобусной остановки…

– Сколько было чемоданов?

– Три… нет, четыре. Мы с трудом тащили их в обеих руках.

– Тяжелые?

– Тяжелые…

– Ну, а на водку хоть получил?

– Да, на остановке он со мной рассчитался.

– Чем рассчитался?

– Деньгами, конечно.

– А на кой хрен ты ложки брал?

– Какие ложки?

– Серебряные, которые у тебя при обыске изъяли!

– Не брал я никаких ложек, – Крауклис уставился в пол.

– А как же они у тебя оказались? – Олег уже еле сдерживался.

– Это… были у меня когда-то такие ложки. Я когда от же-

ны уходил, только их и забрал. Это был подарок моей бабушки на свадьбу. Я думал, что пропил их…

– Так чего же ты раньше молчал?

– Так эта, потерпевшая, сказала, что это ее ложки.

– Тьфу! – Олег с досады сплюнул и поглядел в потолок, успокаиваясь. Допрашивать такого алкаша иногда тяжелее, чем матерого рецидивиста – нужны порой железные нервы.

– Вы мне не верите? – жалобно спросил Крауклис.

– Я-то, как ни странно, тебе верю. А вот что прикажешь делать, чтобы другие тебе поверили?

Крауклис тяжело вздохнул и виновато пожал плечами. Олег записал его показания, вызвал дежурного по ИВС и приказал увести подследственного.

Затем по очереди допрашивал Гулбиса, Рогиса и Юркевица. Ничего толкового из них вытянуть не удалось: да, Хорек говорил, что развел какого-то лоха на кражу, а что и как – не объяснил. Был ли Художник соучастником или Хорек использовал его втемную – оставалось невыясненным.

Особые надежды Олег возлагал на допрос Сескиса – только тот мог дать полный расклад по этому эпизоду. Но допрос пришлось отложить – обед в ИВС дело святое. Ради него даже прерывают допросы – арестант должен вовремя принять пищу. Ладно, используем это время для обдумывания ситуации, Разговор с Хорьком предстоял нелегкий.

Олег попросил дежурного принести ему чаю. Сержант Фурсенко принес ему эмалированную кружку чая и начатую

пачку печенья.

– Олег, может, чего-нибудь посущественнее? – спросил он.

– Спасибо, Миша, не надо. Я потом в столовке пообедаю.

Олег прихлебывал чай и размышлял. Показания Художника прояснили обстоятельства дела, но никак не могли служить доказательством его невиновности – мало ли что может выдумать человек в свое оправдание. Опять же ложки. Ну, допустим, это ложки Крауклиса. А как это доказать? Мара Круминя опознала их как свои. Да, вся надежда на показания Сескиса. Если он скажет, что использовал Крауклиса втемную, тогда и ложкам можно найти объяснение: в конце концов, Сескис мог расплатиться ими за услугу. Хм… опять нестыковочка: ничего себе расплатился – серебром на ползарплаты обычного работяги. Да и Художник утверждает, что Хорек расплатился с ним деньгами, а никак не ложками, Зачем ему врать в мелочах, если он фактически признался в соучастии в краже?

Размышления Олега прервал стук в дверь – сержант Фурсенко доставил подследственного Сескиса на допрос. Тот, развалясь, уселся на табурете и вызывающе посмотрел на Олега: ну, зачем дергаешь, начальник? Все равно ничего путного от меня не услышишь!

Олег проигнорировал этот взгляд.

– Гвидо, – начал он как можно мягче, – если хочешь изображать из себя крутого вора – это твое дело. Давай догово-

римся: дашь расклад по краже у Крумини – и дело с концом. Все равно там тебе все доказано-передоказано: вещдоки, пальцы, свидетели. Ничего от твоей крутости не убудет, если ты прояснишь только этот эпизод. Пойми, может получиться так, что невиновный попадет за решетку! Ну, Гвидо, расскажи просто про этот случай и про роль Крауклиса в нем, и все!

– Вот что, гражданин начальник, – Хорек насмешливо ухмыльнулся, – ни в каких кражах я никакого участия не принимал и никого не знаю! А если этот придурок попадет на зону – так туда ему и дорога. Дураков надо учить!

Олег немного помолчал, чтобы унять вспыхнувший гнев.

– А теперь послушай меня, Хорек! – ровный, спокойный голос Островецкого резко контрастировал с его полными ярости глазами. – Сейчас ты меня очень сильно разозлил! Очень! Я полагаю, годика два лишних ты сейчас заработал, Я пущу тебя «паровозом»[7] по всем эпизодам, плюс охарактеризую тебя в «обвиниловке» как отпетого преступника, так и не вставшего на путь исправления. И буду, кстати, недалек от истины! А на зону, куда тебя отправят, по своим каналам пошлю сообщеньице – ребята из оперчасти «примут» тебя там, как «родного». Ну, а пока: никаких передач и ежедневный «шмон»[8] всей твоей камеры – я тебе гарантирую.

Слушая негромкую речь Олега, Хорек испуганно вжимал-

---

[7] * «Паровоз» – зачинщик, инициатор преступления *(жарг.)*

[8] ** Шмон – обыск *(жарг.)*

ся в табурет: кажется, доигрался – предупреждали же, что с «бультерьером» шутки плохи.

Олег вызвал дежурного по ИВС:

– Миша, убери эту мразь!

Фурсенко молча увел подследственного.

– Витька, пошли в столовку, – Олег, приоткрыв дверь, просунул голову в кабинет Виктора Миллера. – Там «внизу»[9] зэков кормили – такие запахи, у меня чуть голова не закружилась.

Содержавшихся в ИВС лиц, кстати, кормили из соседнего ресторана.

– Пошли, – Виктор еще несколько раз тюкнул по клавишам древней «Москвы» и вытянул лист из машинки. – «Обвиниловку» закончил, – радостно сообщил он, вставая из-за стола.

Ростом Виктор был с Олегом наравне, но выглядел более стройным. Со старшим следователем капитаном милиции Виктором Павловичем Миллером Олег близко дружил уже почти десять лет. Они были одногодки. До службы в милиции Виктор работал на стройке и заочно учился на юрфаке Латвийского университета. На службу он пришел на год позже Олега. Тогда-то они и познакомились. Сдружились на почве футбола. Неистовый поклонник этой игры и сам неплохой футболист, Виктор приобщил к ней Олег. Позднее

---

[9] *** «Внизу» – в изоляторе временного содержания *(милиц. сленг)*.

и Олег затянул Виктора в секцию рукопашного боя, со временем сделав из того неплохого борца.

Как-то незаметно стали дружить семьями. Татьяна Миллер и Алена Островецкая стали неразлучными подругами. После нелепой гибели Алены в автокатастрофе, Олег и Миллеры еще больше сдружились. Олег невольно тянулся к их теплой и дружной семье, те же, в свою очередь, старались ненавязчиво опекать Олега и помогать ему воспитывать дочь.

Кое-кто в отделе за глаза иронизировал по поводу дружбы немца и еврея, но в глаза этого, естественно, не говорил, опасаясь схлопотать, притом не только на словах. Третьим в этой теплой компании был Ояр Долгоногов – как любил подшучивать Виктор, «инородное тело уголовного розыска в дружном коллективе следователей».

Характер у Виктора Миллера был отнюдь не нордический, а скорее наоборот: вспыхивал, как порох и вечно лез не рожон. Может быть, потому что предки Виктора были все-таки не из прибалтийских немцев, а из украинских колонистов. От них к Миллеру перешла любовь к украинским народным песням, которые он дурным голосом заводил после очередной дозы спиртного, к которому тоже вовсе не был равнодушен.

После не очень сытного столовского обеда Олег и Виктор вышли на улицу и направились к отделу. По пути Миллер закурил. Олег недовольно посмотрел на него, но ничего

не сказал. Вообще-то он, бросив курить, нередко «наезжал» на друзей за вредную привычку, но сегодня спорить не хотелось.

– Ну, рассказывай, что стряслось? – Витька сделал глубокую затяжку. – Я же сразу усек – ты ко мне заскочил весь взъерошенный…

Олег кратко пересказал разговор с Хорьком. Реакция Витьки была, скажем прямо, неожиданной.

– Олежа, – улыбаясь, начал он, – неужели ты за столько лет службы еще не привык к этому. Пусть себе врет и изворачивается. В конце концов, это его единственное средство защиты. Твое дело спокойно доказать его вину и отправить за решетку. И не стоит из-за этого так нервничать.

– Пойми, Витинтяй, я не потому взбесился, что Хорек в наглую врет – меня это мало колышет. Я на него нарыл столько, что он у меня схлопочет срок на всю катушку! Но ведь эта гнида тянет за собой невинного человека, причем без всякой для себя выгоды, просто так – по подлой своей натуре!

– Да… твой Хорек – сволочь редкостная! Слушай, Олег, может, тебе помощь нужна? Скажи, что надо, – я сделаю.

– Да нет, Витек, спасибо! Сам управлюсь, я к этому делу еще и Ояра припахал…

– Догадываюсь, что о тебе сейчас Володька Шестаков думает. Ладно, короче, вечером ужинаем у нас. А то я после этой столовки уже опять жрать хочу. За Светланку не бес-

покойся – Таня ее сама заберет из садика. Да, и не забудь – скоро первое сентября. Надо будет отвести пацанку в школу, а потом устроим маленький сабантуй: первый раз в первый класс – это тебе не хухры-мухры…

На перекрестке друзья распрощались: Виктор направился в отдел, а Олег пошел к жене Крауклиса – Мирдзе, благо она работала в мебельном магазине неподалеку. Ничего существенного Мирдза ему не сообщила, но после встречи с ней Олег еще больше утвердился в невиновности Крауклиса. Мирдза испытывала к нему скорее жалость, чем вполне понятную в данном случае неприязнь. Да, много пил, из-за чего, собственно, и разошлись, но деньги на ребенка приносит регулярно, часто дарит дочке игрушки. Хм, как-то не очень вписывается Художник в образ вора – подельника Хорька.

В мастерских КБО[10], где раньше работал Крауклис, Олег долго беседовал с его бывшими коллегами по работе. Все в один голос утверждали: Карлис человек неплохой, но слабохарактерный. Зарабатывал хорошо, но постепенно стал спиваться, опускаться, занимать деньги на выпивку, правда, всегда отдавал.

Старый мастер Имант Борткевич вызвался проводить Олега на склад: Островецкий захотел посмотреть на работы Крауклиса.

– Знаешь, майор, ты не думай, – словоохотливый ста-

---

[10] * КБО – комбинат бытового обслуживания.

рик пытался хоть как-то растолковать Олегу, что его бывший подчиненный – не совсем конченый человек, – Карлис неплохой парень. Вот смотри, он одолжил у меня приличную сумму денег, и все до копеечки вернул.

– Когда это было? – насторожился Олег.

– Незадолго до его ареста.

– А поточнее? – Олег напрягся: неужели ошибка и Художник все-таки причастен к краже.

– Ну, – старик задумался, – он мне вернул деньги, а на следующий день я узнал, что его арестовали.

– А откуда он взял такую сумму денег? – как бы невзначай спросил Олег. – Вы, случайно, не в курсе?

– Как – не в курсе? Это же я ему нашел эту работу. Он оформлял поселковый клуб в районе. Правда, там им были недовольны – он же чаще пил, чем работал, но в конце концов работу свою сделал хорошо, и ему заплатили сполна.

У Олега отлегло на сердце. Все-таки интуиция его и на этот раз не подвела. Конечно, все это потребует еще тщательной проверки, но Олег был уверен, что старик говорит правду. Все, что сегодня Островецкий услышал о Крауклисе, говорило в его пользу: честен, порядочен, но прямых доказательств его невиновности пока так и не нашлось.

Старик тем временем возился с замком склада.

– Заходи, вот его работы, – старый мастер указал на сваленные в кучу холсты и транспаранты.

Олег принялся перебирать и рассматривать работы. Он

еще сам не понимал, зачем ему это нужно. Внезапно у него екнуло сердце: вот, вот же оно! Олег с видом триумфатора посмотрел на старика и хлопнул его по плечу – все работы Крауклиса были подписаны инициалами «КК». Причем, даже без всякой графологической экспертизы можно было утверждать, что именно так были выцарапаны инициалы «КК» на ложечках. Нет, экспертиза, конечно же, будет назначена – Олег привык доводить все до логического конца. Естественно, придется назначить еще и металловедческую экспертизу с целью выяснения давности нанесения царапин на ложечки, ведь может возникнуть предположение, что Крауклис нанес свои инициалы на них уже после кражи. Но Олег был уверен: экспертиза – просто формальность. Она лишь подтвердит его выводы, изложенные при осмотре ложечек: инициалы нанесены очень давно, металл в царапинах почернел от времени. Ну что же, ложечки отпали – Мара Круминя обозналась.

– Ну что, дед, – довольным тоном произнес Олег. – Холсты я у тебя изымаю, вернее не сами холсты, а те кусочки, где написаны инициалы. Разрешишь порезать?

– А это поможет Карлису?

– Еще как…

– Режь! – старик принес ножницы, и Олег вырезал кусочки с двух холстов – больше и не требуется. Островецкий оформил протокол добровольной выдачи образцов и тепло попрощался со стариком. Он был доволен – день прошел

не зря.

Около восьми часов вечера Олег, не заходя домой, пришел к Миллерам. Они жили в соседнем доме в небольшой двухкомнатной квартирке. Виктор встретил Олега в прихожей.

– Будь, как дома, но не забывай, что ты в гостях! – Миллер был в своем репертуаре. Малознакомые с ним люди считали его грубоватым, даже несколько хамоватым человеком, лишь жена и немногие близкие друзья знали, что таким образом он пытается прикрыть свою излишнюю, как он считал, застенчивость и сентиментальность.

– Помолчи уж, болтун, – из кухни вышла Татьяна Миллер – дородная, статная молодая женщина с добрым лицом. Руки у нее были заняты сковородками, источавшими аромат жареной картошки и мяса. Олег даже застонал в предвкушении великолепного ужина.

– Мальчики, за стол! – Татьяна подставила Олегу щеку для поцелуя и заспешила в гостиную.

Из детской комнаты выбежала дочка Олега, шестилетняя Светланка, и бросилась отцу не шею. За ней степенно вышла десятитилетняя Нина – дочь Миллеров.

– Дядя Олег, а мы в школу играем. Я Свету к первому сентября готовлю, – важно сообщила она.

Олег поцеловал малышку в лоб, приобнял обеих девчонок – и почувствовал умиротворение: он любил этот дом,

здесь он отдыхал и душой и телом.

Нина и Света убежали в детскую. Олег снял куртку и прошел в гостиную, Журнальный столик был уставлен всевозможными кулинарными изысками, на которые Татьяна была великая мастерица. Олег занял свое привычное место в углу дивана.

– Витька, спрячь куда подальше! – он снял с себя наплечную кобуру с пистолетом и передал Миллеру. Тот убрал все это хозяйство в секретер и, загадочно улыбаясь, достал оттуда бутылку водки.

Дождавшись, когда Татьяна уйдет за очередной порцией закусок, Олег подмигнул Виктору:

– У меня в куртке еще одна.

Он знал, что им с Витькой одной бутылкой не обойтись, и прихватил еще одну, чтобы потом не бегать за «догоном».

– А Длинный придет? – спросил Олег, имея в виду Ояра Долгоногова.

– Вряд ли, он звонил, что еще «лисапет крутит» – ты же припахал его на всю катушку.

Раздался звонок в дверь.

– А ты говорил: не придет, – усмехнулся Олег. – Ояр это дело спинным мозгом чувствует, – он щелкнул себя по кадыку.

Но Олег ошибся. В дверях стояла хорошенькая стройная девушка лет двадцати двух, в коротенькой юбочке, не столько закрывающей, сколько открывающей красивые ноги.

– Ой, Лидуся, проходи, садись с нами за стол, – встретила ее в дверях Татьяна.

Девушка не стала ломаться и прошла в гостиную.

– Это наша соседка, Лидочка, – представила ее Татьяна. – Ее мать ходит в море, а Лидуся к нам часто забегает.

Лида протянула Олегу руку. Тот осторожно ее пожал. Сели за стол. Витька наполнил рюмки водкой.

– За присутствующих здесь дам! – провозгласил он свой любимый тост.

Чокнулись. Лида лихо опрокинула рюмку в рот и весело подмигнула Олегу.

«Во дает, чертовка!» – восхищенно подумал он и последовал за ней. За сытным ужином незаметно опустошили обе бутылки водки. Все изрядно захмелели. Витька захотел песен и протянул Олегу гитару. Но долго попеть не удалось. Из детской вышла Нина и грозно потребовала не шуметь: как она уложила Светланку спать. Пришлось подчиниться. Но Витька не сдавался и попытался полушепотом затянуть украинскую песню. Вышло как-то не совсем удачно.

– Ой, я с вашим угощением и забыла, зачем шла! – спохватилась Лида. – У меня кольцо закатилось под диван, не могу его достать, поможете?

– Так это мы запросто, – Витька попытался встать, но, получив от жены чувствительный толчок локтем под ребро, плюхнулся назад в кресло и недоумевающее уставился на Татьяну.

– А… так давай я тебе помогу? – наконец сообразил Олег, что от него требовалось.

– Ну пошли, – Лида направилась к выходу.

Олег потянулся за ней. Около двери он обернулся. Витька сидел в кресле и шепотом пытался оправдываться, а Татьяна нависла над ним и что-то грозно, но также шепотом ему втолковывала.

Спустились на этаж ниже, где жила Лида. Девушка была под хорошим хмельком, но держалась прекрасно. Она дала Олегу линейку, с помощью которой он должен был вытащить кольцо из-под дивана, и вышла из комнаты. Олег лег на пол, пытаясь линейкой нащупать кольцо, но внезапно почувствовал, что кто-то стоит рядом. Он перевернулся на спину и увидел стоящую над ним Лиду. Снизу юбчонка не прикрывала вообще ничего! Девушка села на него верхом и, грациозно выгнув спину, сняла с себя футболку, обнажив небольшие, красивой формы груди. Затем, лукаво улыбаясь, она принялась медленно расстегивать Олегу рубашку. Устоять перед таким напором он не мог да и не хотел…

Дребезжащий телефонный звонок прорвался сквозь утреннюю полудрему.

«Какой-то странный звук у него», – подумал Олег, спросонья нащупывая рукой телефонную трубку.

– Слушаю, – позевывая, буркнул он.

– Островецкий, ты совсем нюх потерял? Ты на службу собираешься? – Виктор, как всегда, с утра был грозен и суров.

– Черт! – Олег резко сел. – Надо же дочку в садик вести.

– Ага! Вспомнила бабка, как девкой была! Татьяна с Нинкой уже давно отвели.

– Но ее же надо было выкупать, переодеть в чистое…

– Островецкий, ты семейство Миллеров совсем за тупых держишь? Нина с утра сбегала к тебе домой за Светкиными вещами, а Танька ее выкупала.

– А ключи где взяли?

– О… тяжелый случай! Островецкий, ты с утра совсем плохой! У тебя в куртке, где же еще? Все, хватит фнякать, двадцать минут тебе на сборы!

– Слушаюсь, товарищ капитан! – Олег положил трубку и бросил взгляд на лежавшую рядом Лиду.

Девушка уже не спала и томно потягивалась, не открывая глаз. Легкий плед почти не прикрывал обнаженное гибкое тело.

Несколько мгновений в душе Олега шла борьба между чувством долга и желанием. Чувство долга победило. Олег рывком вскочил с кровати и направился в ванную комнату. Холодный душ и интенсивное растирание не оставили и следа от бурной бессонной ночи. Олег был бодр, свеж и весьма доволен собой. Конечно, не мешало бы побриться, но и так сойдет, тем более что в последнее время начальство перестало обращать внимание на внешний вид сотрудников – лишь бы службу несли исправно. «А раньше ты бы не позволил себе явиться на работу небритым», – кольнула непри-

ятная мысль. Олег попытался прогнать ее – не стоит с утра портить себе настроение. Надо жить!

Лида уже ждала его на кухне. Она даже успела приготовить яичницу и сварить кофе. В легком халатике, соблазнительная, но такая домашняя – она совершенно не напоминала вчерашнюю разбитную девчонку.

От яичницы Олег отказался, быстро выпил кофе и, чмокнув Лиду в щеку, направился к выходу.

– Вечером придешь? – Лида стояла, притулившись к дверному косяку, и грустно смотрела на него широко открытыми серыми глазами.

– Приду, – коротко ответил Олег.

Лицо девушки озарилось радостной улыбкой. Олег вышел из квартиры. На лестничной клетке его уже ждал Виктор.

– Пять минут уже тебя жду, – заворчал он, протянув Олегу кобуру и куртку. – Тормоз пятилетки! Опоздаем на службу – нас с тобой Лева с Федотычем живьем сожрут…

– Витька, не бухти! Мог бы не ждать, а позвонить в дверь.

– А если вы там решали интимные вопросы? Виктор Павлович Миллер, в отличие от некоторых, очень тактичный человек!

Витька выпятил грудь и тут же получил легкий тычок в солнечное сплетение

– Пошли уж, «образец тактичности».

Привычно подначивая друг друга, они направились к автобусной остановке.

В кабинете Олег не стал даже заваривать обычный утренний чай – на сегодняшний день он запланировал много дел и не хотел терять времени.

Сначала позвонил Шестакову:

– Привет, Володька! Где Ояр? Я его со вчерашнего дня найти не могу!

– А откуда я знаю? – старательно изобразил обиду Шестаков. – Я же в последнее время своими операми не распоряжаюсь, есть и без меня кому ими командовать!

– Не ехидничай, это тебе не идет! Лучше скажи, как его найти? Он же отзвонился тебе с утра?

– Позвонил… Сказал, что поехал по Крауклису. Вроде бы нарыл что-то.

– Хорошо, как объявится – пришли его ко мне!

– Слушаю и повинуюсь, господин начальник!

– Да что это вы с утра все такие язвительные? – Олег положил трубку.

Телефон тут же зазвонил вновь. Олег глубоко вздохнул и поднял трубку.

– Островецкий, – коротко представился он.

– Олег Семенович? – раздался в трубке ровный спокойный голос прокурора.

Олег прикрыл глаза: начинается «прессуха»…

– Слушаю Вас, Юрис Константинович, – также спокойно ответил он, решив про себя оставаться максимально сдер-

жанным.

– До меня дошли слухи, что Вы собираетесь освободить Крауклиса!?

– Я собираюсь доказать его невиновность, и в этом случае освободить его из-под стражи.

– Олег Семенович, Вы понимаете, что у нас с Вами будут неприятности?

– Понимаю, конечно. Но я также понимаю, что невиновный не должен сидеть в тюрьме, даже подследственной. В конце концов, что значат наши выговора по сравнению с тюремной камерой, где сейчас находится Крауклис?

– Да я не об этом. Я просто надеюсь, Олег Семенович, что на этот раз вы разберетесь в деле досконально и примете безошибочное решение. Пойми, Олег, – прокурор доверительно перешел на «ты», – если мы его сейчас выпустим, а потом окажется, что его нужно будет вновь арестовывать… – я даже не знаю, что нас в этом случае ожидает. И так уже ползут слухи, что я и твои начальники к тебе слишком снисходительны.

– Юрис Константинович, я все прекрасно понимаю, осечки не будет.

– Хорошо, действуй, как посчитаешь нужным. А от проверяющих как-нибудь отобьемся!

Олег недоуменно положил трубку. Вопреки ожиданиям, он, вместо нагоняя, получил от прокурора фактическую поддержку.

Островецкий разложил на столе бумаги. Предстояло составить описание изъятых накануне образцов холста и назначить по ним экспертизы.

Внезапно резко и противно затренькал телефон прямой связи с дежурной частью – несуразный черный уродец без наборного диска.

«Все, поработал»! – Олег зло посмотрел на него и снял трубку.

– Кремль на проводе! – недовольно бросил он.

– Вот, чувствуется трудовой энтузиазм и заряженность на подвиги! – насмешливо произнес дежурный. – Островецкий, ты не забыл, кто сегодня дежурный следователь?

– С вами забудешь, – вздохнул Олег. – Ну, что там опять стряслось?

– Кража с проникновением из столовой второй средней школы…

– Что похищено?

– Продукты, возможно, некоторые личные вещи работников столовой. В общем, разберешься на месте…

– Ребята, вы что там, совсем охренели с этими новыми веяниями? Из крайности в крайность бросаетесь? То укрывали все «темные»[11], какие только возможно, а теперь на любую мелочевку следаков гоняете. Вы бы еще на кражу огурцов из подвала «важняка» посылали!

– Олежек, ну не я же это все придумал. Было указание

---

[11] * «Тёмные» – нераскрытые, неочевидные преступления *(милиц. сленг).*

МВД и прокуратуры республики регистрировать все подряд, а на все кражи с проникновением вызывать следователя. Я только выполняю их предписания. Ну что, эксперта поднимать?

– Ни в коем случае! Не хватало еще Саныча на всякую мелочевку дергать. Сам управлюсь!

Старший эксперт-криминалист подполковник милиции Юрий Александрович Косенков в единственном числе представлял эту уважаемую службу в городе и районе. Поэтому, по негласному уговору, следователи старались не дергать его на незначительные происшествия, чтобы у Саныча оставалось время на проведение экспертиз.

Это только в книгах и кинофильмах следственно-оперативная группа выезжает на место преступления в полном составе. Может быть, в столицах это и так, но на периферии, «на земле» – криминалист выезжает только на серьезные происшествия. В остальных же случаях его работу более или менее успешно выполняют следователи. Для этого, в дежурной части и в следственном отделе есть следственные чемоданчики – аналоги того, с чем выезжает на место происшествия сам эксперт.

– Ну что, Олег? – прервал его размышления голос дежурного. – Я к тебе уже Саню Михайлова послал со следственным чемоданчиком…

– Зачем? Я наш возьму…

– Так Сашка уже взял из дежурки. Что, вы два потащите?

Выходи, он, наверное, тебя уже ждет на улице.

– А на чем едем?

– Олег, – в голосе дежурного послышались виноватые нотки, – нет машин. Наша еще не вернулась из района, а прикрепленной пока еще не было. По графику транспорт должен был предоставить рыбокомбинат, но его пока нет. Я сейчас позвоню и выясню. Олежа, тут же всего с километр пешком. А назад вас привезут. Обещаю! Я за вами машину вышлю… Олег, чего ты молчишь?

– Подбираю слова, чтобы выразить свое «восхищение» работой руководства отдела милиции и его дежурной части. Пока цензурных выражений не нашел, – Олег положил трубку, убрал все со стола в сейф и вышел из кабинета.

На улице его уже ждал оперуполномоченный уголовного розыска старший лейтенант милиции Александр Михайлов – светловолосый мужичок лет тридцати, немногословный и невозмутимый. Про таких говорят: «пахарь». Саша занимался несовершеннолетними правонарушителями, работал хорошо, но заслуг своих не выпячивал. Сейчас он стоял у входа в следственный отдел, слегка нахохлившись и подняв воротник куртки, чтобы хоть как-то укрыться от пронизывающего холодного ветра. Прибалтийская осень потихоньку вступала в свои права.

– Ну что, змэрзла, маупа?[12] – насмешливо обратился к нему Олег. – Чего ж ты машину в дежурке не выбил?

---

[12] * Змэрзла маупа? *(белорус., шуточн.)* – замёрзла, мартышка?

– А ты чего не выбил? – флегматично парировал Михайлов.

– Ну тогда бери чемодан – согреешься!

Саша хотел было возразить, что чемоданчик, вообще-то, предназначен для Олега, но, поймав насмешливо-ироническое взгляд Островецкого, перечить не решился. Он поднял с тротуара следственный чемоданчик и пошел за Олегом, стараясь попасть в его широкий шаг.

Через пятнадцать минут подошли к школе. Олег осмотрелся. Фасад здания школы выходил к скверу с памятником Ленину, около которого раньше обычно проходили все демонстрации и другие партийно-советский мероприятия. С тыльной стороны здания находилась спортплощадка, далее – пустырь, за которым располагался комплекс кооперативных гаражей.

– Да… – протянул Олег, – поквартирный обход делать бессмысленно: до жилья далеко и вряд ли кто-либо что-нибудь видел или слышал.

– Но, может, видели что-нибудь подозрительное, например, кто-нибудь сумки тяжелые тащил? – возразил Михайлов.

– Вот и займешься этим… потом, в свое личное время. Вряд ли Шестаков даст тебе людей на это – не убийство, чай…

Михайлов только пожал плечами.

На крыльце около входа их ждали трое.

– Директор школы Янина Арвидовна Гроссман, – представилась высокая дородная женщина лет пятидесяти.

– Илзе Лапиня, завстоловой, – миловидная толстушка лет сорока с улыбкой протянула Олегу руку. Ладошка у нее была пухленькой и мягкой.

С третьим – Виктором Терентьевичем Пастуховым – Олег был немного знаком. Пастухов – высокий худощавый мужчина лет пятидесяти с небольшим – служил когда-то в патрульно-постовой службе и уволился на пенсию вскоре после того, как Островецкий пришел на службу.

– Здорово, Терентьич! А ты, как здесь? – Олег поздоровался с Пастуховым за руку.

– Сторожем работаю.

– А что, школа разве не на пульте в ОВО[13]? – удивленно спросил Олег у директрисы.

– В новых условиях у нас нет денег на договор с отделом охраны. Наняли сторожа, – спокойно пояснила Гроссман.

– Ясно. Ну, рассказывайте, что у вас произошло?

– Я, пожалуй, начну, – Терентьич взглянул на директрису. Та важно кивнула головой.

– Примерно в семь часов утра я обходил здание школы по периметру. Привык, понимаешь, перед сдачей дежурства проверить, что на объекте порядок. Ну, и заметил, что окно в столовой разбито. Сразу же позвонил в дежурку и Янине Арвидовне…

---

[13] * ОВО – отдел вневедомственной охраны.

– Я позвонила Илзе и поехала в школу, – добавила Гроссман.

– Внутрь столовой, надеюсь, не заходили?

– Обижаешь, Олег, я же двадцать пять лет службе отдал!

– Извини, Терентьич! А что было в столовой? – обратился Олег к Лапине.

– Нам как раз завезли продукты к началу учебного года. Кроме мяса и молочных, считай, всё: макаронные изделия, консервы, повидло, сгущенка, копченая колбаса… Много было всего, я же не знаю, что украли. Мы внутрь не заходили…

– Олег, я там, у окна следы обнаружил. Картоном их прикрыл на всякий случай.

– Ладно, пошли, покажешь! А вы, дорогие дамы, подождите нас, пожалуйста, в кабинете директора.

– Терентьич, – спросил по пути Олег, – как думаешь, дамы непричастны к краже? А что: получили продукты, растащили по домам, а потом сымитировали кражу?

– Олег, я уверен, что они здесь не причем! Янина Арвидовна – кристальной честности человек! Может быть, излишне строгая, но на ее должности – это даже хорошо. А Илзе – веселуха, хохотуха, но чтобы украсть – не думаю! Поверь чутью старого мента – они здесь не при делах!

– Да не горячись ты так! Это же просто версия, причем из наиболее вероятных. Проверим. Сам-то где был? Почему

ничего не слышал?

– Да я же сижу у входа в школу. Это с противоположной стороны. Оттуда не только звона стекол – грохота не услышишь! Хоть ломом, хоть кувалдой орудуй.

– Последний обход, когда делал?

– Около двух ночи. Все было нормально…

– Терентьич, ты точно ходил? Нам-то ты можешь сказать – мы же не твое начальство!

– Обижаешь, Олег Семенович, – насупился Пастухов. – Если бы не ходил, то так бы и сказал. Мне бояться некого. Я такой работы найду – пруд пруди…

– Ну, извини, старик! Сам понимаешь, приходится иногда задавать неприятные вопросы.

– Вот так, Саня, – повернулся Олег к Михайлову, – похоже, за нашим дедом следили. Дождались, когда он сделает последний обход, и «подломили»[14] столовку. Знали, что не будет сторож всю ночь круги нарезать…

Тем временем подошли к разбитому окну. Столовая располагалась в цокольном этаже здания школы, поэтому окна были укреплены решетками. Разбитое окно вело в кухонное помещение. Часть осколков находилась снаружи, часть – внутри. Олег достал из чемоданчика фотоаппарат и сделал несколько обзорных снимков. Затем отбросил кусок картона, лежащего около окна, и увидел несколько довольно отчетливых следов, отпечатанных в грунте. Следы от кед были

---

[14] * «Подломить» – взломать, обокрасть *(жарг.)*

оставлены, как минимум, двумя людьми. Олег вынул из чемоданчика линейку, приложил ее к следам и сделал несколько фотографий. Затем принялся изучать осколки.

– Та-ак, пальцев – хоть отбавляй, – констатировал он, упаковывая осколки в целлофановые пакеты.

Олег принялся искать в чемодане пакетик с гипсом, чтобы сделать слепки следов обуви. Гипса в чемоданчике не было.

– … твою мать! – раздосадовано ругнулся он. – Надо было свой чемодан брать!

– Когда в дежурке последний раз в дежурке чемоданчик проверяли? – Олег вперился грозным взглядом в Михайлова. – Сейчас помчишься в отдел за гипсом…

– А я-то здесь при чем? – обиженно пробурчал Саша. – Я также прикомандирован к опергруппе, как и ты…

– Проверить надо было прежде, чем берешь… – Олег встал и огляделся. Возле гаражей копошились какие-то строительные рабочие. Он ухмыльнулся: – Ладно, бежать никуда не надо. Я потом, конечно, выскажу дежурке свое «фэ», а пока, сходи к работягам в гаражи, и попроси цемента.

– Чего попросить? – вытаращился от удивления Александр.

– Цемента! Ты что оглох?

Михайлов пошел по направлению к гаражам, постоянно оглядываясь: не шутит ли Островецкий, известный приколист.

– Узнаю родной отдел! – усмехнулся Терентьич.

Олег в ответ только рукой махнул.

Через несколько минут вернулся Михайлов, неся в руках большой целлофановый пакет, набитый цементом. Олег нашел неподалеку лужу и на картонке приготовил жидкий цементный раствор. Часть его аккуратно вылил в наиболее четкие следы, затем уложил туда хворостинки и долил раствор.

– Ловко ты это делаешь, Олег, – одобрительно произнес Терентьич.

– Я б не сообразил заливать следы цементом, – пробормотал Михайлов.

– Учись, пацан, пока я жив! – усмехнулся Олег. – Отливки, правда, тяжеловатыми получатся, но это уже проблема Саныча – ему с ними работать. И, между прочим, поделом – нужно вовремя содержимое следственного чемоданчика проверять! Ладно, пошли внутрь, а раствор пусть пока затвердевает…

Олег, Михайлов и Терентьич обошли здание школы, через парадный вход вошли в фойе и спустились к столовой. Директриса и завстоловой уже ждали их около двери. Олег внимательно осмотрел ее.

– Повреждений нет, – констатировал он.

Илзе открыла дверь в столовую и пропустила всех внутрь. Порядок в обеденном зале не был нарушен, то есть проникновения туда не было. Подошли к помещению кухни. Дверь в кухню повреждений тоже не имела. Илзе открыла ее и ахнула: помещение кухни выглядело, как после серьезного по-

грома – посуда разбросана по плите и полкам, на полу рассыпаны мука, макароны и печенье…

– Та-а-ак, – произнес Олег, – всем внутрь ни ногой, пока не позову!

Он вошел в помещение и вздохнул: варвары – ну, украли продукты, но зачем же всё так громить? Дверь в подсобку была взломана, на полу валялась «фомка»[15]. Олег вошел в подсобку. Там была та же картина погрома. Олег сфотографировал все необходимое, после чего принялся обрабатывать спецпорошками дверь, стеллажи и перевернутую посуду на предмет выявления следов пальцев рук. Их было предостаточно. На рассыпанной по полу муке были обнаружены довольно четкие следы кед. Олег сфотографировал и их, затем отобрал и упаковал осколки со следами пальцев. Делал он это автоматически, размышляя, сопоставляя и прикидывая факты. Вдруг на полу под разделочным столом обнаружилось что-то блестящее. Островецкий нагнулся и вытащил оттуда надорванную низку янтаря. Часть бусин закатилась далеко. Олег собрал их и соединил в единое целое. «На руку, – решил он, – для шейного ожерелья слишком короткая».

Закончив необходимые действия, Олег взмахом руки пригласил всех войти в кухню.

– Ты отрабатываешь так, как будто обокрали не школьную столовую, а, как минимум, квартиру мэра, – вполголоса под-

---

[15] * «Фомка» – небольшой ломик, приспособленный для взлома дверей *(жарг.)*.

колол его Михайлов.

– Саша, а мне начхать: столовая это или апартаменты мэра! Я делаю свою работу, – также вполголоса парировал Олег.

Михайлов смущенно потупился.

– Значит так, – уже громко продолжил Олег, – Саша, вы вместе с Илзе составите ориентировочный список похищенного и определите приблизительную стоимость. Потом возьми объяснения у Янины Арвидовны, Илзе и Терентьича. И не забудьте составить список лиц, имеющих доступ в помещение.

Илзе согласно кивала. Олег ей определенно нравился.

– Илзочка, – он заметил это, – вы мне потом, после инвентаризации, занесете официальную справочку о похищенном?

– Конечно-конечно, – женщина расплылась в улыбке.

Михайлов понимающе фыркнул. Олег незаметно показал ему кулак.

– Илзочка, – как бы невзначай спросил он, – а вот эта вещица Вам незнакома? – он показал ей упакованную в пластиковый пакетик низку янтаря.

– Нет, – женщина отрицательно покачала головой, – у меня такой не было, и ни у кого из наших девочек я такой не видела.

– Ну, хорошо. Вашим работницам я ее потом предъявлю.

Олег оформил протокол осмотра места происшествия

и еще раз оглядел помещение: вроде, ничего не упустил. Михайлов, тем временем, заканчивал принимать объяснения. Олег проверил протоколы и остался доволен – Саша работал грамотно.

– Терентьич, – спросил Олег, – ты домой?

– Чуть позже, – ответил Пастухов. – Помогу сначала женщинам прибраться.

– Ну и отлично! Забери потом отливки из-под окон. Пусть они пока еще подсохнут – не гипс все же. А по пути домой, забрось их в дежурку – ты же живешь возле отдела.

– Да не вопрос. Сделаю, Олежек, все в лучшем виде!

– Ну что, мы закончили? Машину вызывать? – спросил Михайлов.

– Закончили, но машину не вызывать, – ответил Олег. – Пойдем пешком, а по пути зайдем в ИДН[16]. Думаю, есть смысл там кое с кем перетолковать.

– Ясно, – вздохнул Александр и скосил глаза на следственный чемоданчик. Олег перехватил этот взгляд и развел руками – ну что поделать, не может же майор тащить чемоданчик, когда есть старлей?

Прощаясь с работниками школы, Олег подмигнул Илзе. Женщина зарделась, что не укрылось от взгляда Александра, показавшего майору большой палец.

---

[16] * ИДН – инспекция по делам несовершеннолетних.

Здание, в котором располагалась инспекция по делам несовершеннолетних, находилось на полпути к отделу. Всю дорогу Олег подтрунивал над Михайловым.

– Понимаешь, Саша, – разглагольствовал он, – ты сам виноват! Зачем ты брал чемоданчик из дежурки? Если бы мне пришлось брать свой чемоданчик, я бы, конечно, нес его сам – пройдохам из уголовного розыска я свое имущество не доверяю!

Михайлов в ответ лишь кивал: давай-давай, говори, известно ж – ты начальник, я дурак…

Войдя в помещение ИДН, Олег и Александр направились прямо в кабинет инспектора – старшего лейтенанта Валентины Федоровой.

– Валюня, принимай гостей! – с порога объявил Олег и, не дожидаясь приглашения, уселся в кресло, расположенное в углу кабинета. Александр расположился на стуле. Валентина выпорхнула из-за стола и принялась хлопотать над угощением. Олег окинул взглядом кабинет. Он выгодно отличался от кабинетов следователей или сотрудников уголовного розыска. Свежие обои, приличная мебель, домашние занавесочки на окнах – всё это создавало уют и теплую атмосферу в помещении. …На столе тем временем появились красивые фаянсовые чашки, вазочки с вареньем, конфетами и печеньем, коробка импортного чая в пакетиках и банка растворимого кофе. В чайнике уже закипала вода.

– Меня она, между прочим, никогда так не встречает, –

прошептал Александр Олегу на ухо.

– А это потому, что ты постоянно ошиваешься здесь по службе и надоел им, как горькая редька, а я появляюсь у них в инспекции, как красно солнышко…

– Нет, это потому, что Валька к тебе неровно дышит!

Олег в ответ лишь развел руками…

Тридцатилетняя Валентина год назад развелась с мужем. Тому не нравилась ее служба: вечные отлучки, дежурства… Сама же Валентина обладала слишком независимым характером, чтобы ради мужа превратиться в домашнюю клушу. Миловидная женщина с аппетитными формами, она была постоянным объектом воздыханий всех ловеласов отдела, на которых, впрочем, не обращала никакого внимания. Олег ей, кстати, нравился давно, прежде она ни о каких, более тесных отношениях, даже не помышляла, но теперь, когда они оба одиноки – почему бы и нет?

Накрывая на стол, Валя невольно принимала наиболее эффектные позы. Олег даже крякнул, когда ее крутое бедро, обтянутое форменной юбкой, оказалось буквально в нескольких сантиметрах от его глаз. Несмотря на форму, а может, именно благодаря ей, Валентина выглядела чертовски соблазнительно. На мгновение он даже пожалел, что, кроме них, в кабинете находится еще и улыбающийся во весь рот Сашка.

«Что-то ты раздухарился в последнее время насчет женского пола», – осек себя Олег.

Ему составило некоторого труда переключиться с пышных Валькиных форм на работу.

– Значит так, братцы-кролики, – начал Олег, прихлебывая ароматный чай, – подобьем бабки! То, что это малолетки – двух мнений практически быть не может.

Версию о причастности работников столовой исключать пока не будем, но заниматься ею будем лишь вкупе с отработкой несовершеннолетних. Просто, не исключен заказ со стороны работников столовой с целью сокрытия хищений. Значит, что мы имеем: следы кед, предположительно тридцать шестого и тридцать девятого размеров – это первое. Второе: расстояние между прутьями решетки узкое – взрослый человек не пролезет, только подросток, причем весьма субтильного телосложения…

– И было их двое, – задумчиво произнес Михайлов. – Ведь обнаружены следы двух человек…

– Как минимум, – отозвался Олег. – Еще один мог стоять «на стреме» на углу здания – наблюдать, чтобы не вышел сторож. Но следов обнаружить не удалось – там газон. Так что, Саша, это твой контингент – малолетки. И, скорее всего, проживающие в округе. А это твоя зона, Валя. Не будет паценва через весь город переться на дело. Они, как правило, гадят, где живут. Да и за сторожем надо было понаблюдать. Как пить дать полезли не наобум Лазаря, а выждав подходящий момент.

– Не спорю. Было, видимо, так: тот, что побольше, проник в помещение кухни, взломал дверь в кладовую и передал похищенное тому, кто поменьше, находившемуся снаружи…

– Совершенно верно. В кухне были обнаружены следы от кед только тридцать девятого размера.

– Кстати, это могла быть и женщина. Ты же вспомни низку янтаря.

– Не факт, янтарь мог принадлежать работницам столовой – я это выясню в ходе их допросов. А, кроме того, низка могла сорваться с руки принимавшего похищенное снаружи.

– Покажите-ка мне свою находку, – вступила в разговор Валентина.

Олег вынул из чемоданчика пакетик с бусинами.

– А знаете, – задумчиво произнесла Валентина, внимательно разглядывая низку, – по-моему, я видела похожий янтарь на руке у Айны Захаревской. Ее недавно привезли патрули – шаталась пьяная по парку. Ну провела с ней воспитательную работу: побеседовала в очередной раз, – Валя грустно усмехнулась. – А что я еще могу? У меня эта семейка и так уже давно на учете…

– Захаревская… Захаревская… Что-то знакомая фамилия. Она, случайно, не имеет отношения к Петру Захаревскому?

– Как это не имеет? Кровь от крови, родимая доченька! – хмыкнул Михайлов. – Слушай, это же ты брал папашу пять лет назад за хуторской разбой!?

В памяти Олега всплыли события пятилетней давности. Он тогда работал еще в уголовном розыске. Петр Захаревский, четырежды судимый рецидивист по кличке Колун, ворвался на хутор к старикам Озолиньшам, связал их и, угрожая топором, стал требовать деньги и ценности. Собственно, погоняло «Колун» Захаревский и получил за пристрастие к топорам. Это был уже не первый его разбой, и всегда в качестве «аргумента» он использовал топор. Вот, и в этот раз он отрубил старику Озолиньшу палец, а затем рубанул по колену. Потом прижег ему рану тлеющим углем, и принялся методично обыскивать дом. Но, обнаружив бутыль первача, напился и заснул. Старуха Озолиня как-то сумела развязаться и, добежав до сельсовета, вызвала милицию. Олег тогда дежурил в опергруппе. Получив сообщение, он на дежурной автомашине помчался на хутор, прихватив по пути Ояра Долгоногова и инспектора-кинолога, Костю, носившего «профессиональную» фамилию Собакевич, со служебным псом.

Колун к тому времени немного протрезвел и, завидев милиционеров, бросился бежать в лес. Подняли по тревоге пограничников и двинулись по следу. Пограничники отсекали бандита от огромного приморского лесного массива, а Олег, Ояр и Костя почти двадцать километров шли за ним по следу. Наконец, возле заболоченного озерца увидели Колуна, заскочившего в заброшенный сарайчик на берегу. Ояр и Костя, ведомые собакой, побежали к сарайчику вокруг озерца,

а Олег бросился наперерез, короткой дорогой, пытаясь перекрыть один из возможных путей отхода бандита. Опасаясь, что Колун выскочит из сарайчика и снова скроется в лесу, Олег, не дожидаясь Ояра и Кости, ворвался в сарайчик. Каким-то чутьем он угадал Колуна, бросившегося на него из-за омета соломы, успел сблокировать руку бандита и бросил его через бедро. Жилистый, озверевший Колун отчаянно сопротивлялся и, даже нанеся ему несколько мощных ударов, Олег не смог его оглушить. Подоспевшие Ояр и Костя помогли скрутить бандита. И лишь тогда Олег заметил, что его левое плечо в крови – топор бандита все же достал его. Рана оказалась неглубокой – так, царапина, но от нее остался небольшой шрам.

Олег тряхнул головой, отгоняя от себя воспоминания.

– Валюша, а ну-ка давай о Захаревских поподробнее, – попросил он. – Насколько я помню, они твои «подшефные»?

– Они и сейчас там живут, – Валентина, немного покопавшись в сейфе, достала наблюдательное дело.

– Итак, – она пролистала несколько страниц, – Захаревская Айна Петровна, четырнадцати лет. Неоднократно задерживалась за мелкие кражи, употребление спиртных напитков и появление в пьяном виде. Два года назад бросила школу-интернат, за что и была поставлена на учет. Живет бурной сексуальной жизнью – на девчонке уже пробы ставить негде…

– Среди малолеток у нее кликуха Дырса[17], – добавил Михайлов.

– Не знала, – Федорова сделала какую-то пометку в деле. – Дальше, у нее есть старший брат – Захаревский Николай Петрович, шестнадцати лет. Тоже не учится и не работает. Злоупотребляет спиртными напитками. Замечен в мелких кражах…

– Кличка Чмо, – дополнил Александр. – Давно уже эта семейка у нас в поле зрения. Пока ничего серьезного, но, судя по всему, пойдут по стопам папаши. А, кстати, Николай довольно тщедушный пацан – вполне мог протиснуться через решетку. Да и Айна могла.

– А какие они по характеру? – спросил Олег.

– Очень разные. Айна – довольно эффектная деваха, такая яркая брюнетка, уже достаточно сформировавшаяся. Их папаша ведь наполовину цыган. Ершистая, неглупая, порой очень злобная, – Валя вспоминала все свои встречи с ней. – А вот ее братец – забитое, заторможенное существо. Я бы сказала: вечный ведомый. Думаю, в этой паре хороводит Айна.

– Это, кстати, объясняет, почему внутрь полез Николай, а не Айна, если, конечно, это были они. Продолжай, Валюша!

– Мать – Захаревская Дайга Бруновна, 38 лет – несчаст-

---

[17] * «Дырса» – дырка, задница *(латышск. жарг.)*

ная спившаяся женщина. Два раза лечилась в ЛТП[18]. Продолжает пить, водит к себе мужиков, детям никакого внимания не уделяет. Неудивительно, что Айна повторяет путь матери.

– Слушай, а почему Захаревских-старших не лишили родительских прав?

– Лишили, еще пять лет назад, когда Петра твоими заботами на двенадцать лет определили на нары…

– Он сейчас отбывает срок на Северном Урале в зоне особого режима. Ты же ему сам «полосатый бушлат» скроил[19], – усмехнулся Александр.

– Ну, положим, не я, а Витька Миллер – он тогда это дело вел. Я только взял Колуна. А как решили вопрос с детьми?

– Айну и Николая определили в интернат. Хотели в детский дом, но их бабушка – мать Дайги – настояла на интернате, чтобы хоть по выходным видеть внуков.

– А почему она их к себе не забрала?

– Куда? Она старая, больная женщина. Как они проживут на ее маленькую пенсию? – Валентина вздохнула. – Да что говорить: если бы это был единичный случай… У меня таких семей – вон, сейф битком набит! И это только по моей зоне. А у нас ведь в штатечетыре инспектора, и у каждого

---

[18] ** ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий, относящийся к системе МВД, для принудительного лечения лиц, страдающих алкоголизмом.

[19] * «Скроить полосатый бушлат» – признать особо опасным рецидивистом *(жарг.)*. Полосатую униформу носят заключенные, признанные особо опасными и отбывающие наказание в колониях особого режима.

примерно то же самое.

– Да, – саркастически усмехнулся Олег, – у нас самое гуманное в мире государство. Все лучшее – детям?

– Ну вот, – продолжила Валентина, – а два года назад их бабушка умерла и Айна с Николаем сбежали из интерната. Их пару раз пытались вернуть, но все бесполезно…

– А почему их не определили в специнтернат[20]?

– Ты что, издеваешься? – всплеснула руками Валентина. – Да в Артек легче путевку достать, чем в специнтернат. Нам дают одно-два направления в год, а есть дети, совершившие намного более серьезные правонарушения. И то не можем их отправить – нет мест. А там ситуация намного более серьезная…

– Поди узнай, у кого на данный момент ситуация серьезнее? – вздохнул Олег.

– И потом, специнтернат не перевоспитывает, а скорее, наоборот, – там нравы царят похуже, чем на зоне малолеток! Так что специнтернат – это лишь средство убрать проблемных детей из города.

– Да, куда ни кинь – в дерьмо попадёшь! – зло подытожил Олег. – Вот смотрите, други мои: у нас самая «прогрессивная» в мире система советского уголовного судопроизводства. И вот, какой-то «умный» ишак решил, что возраст

---

[20] ** Специнтернат – учебное заведение закрытого типа, для детей, совершивших серьезные или многократные правонарушения, но не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности.

привлечения к уголовной ответственности должен быть с четырнадцати лет и точка. Одна в этом возрасте еще в куклы играет, а другая уже трахается напропалую… Но, перед законом все равны, и, если тебе хоть одного дня не хватает до четырнадцати, ты можешь все – вплоть до убийства… А вот у них «за бугром» – «антисоветское» судопроизводство. И эти «придурковатые» янки определяют возраст привлечения к уголовной ответственности экспертным путем в каждом конкретном случае. У них и в девять лет преступник может огрести пожизненное или даже высшую меру – были прецеденты…

– Откуда знаешь? – удивленно спросил Александр.

– Литературку почитывать надо, – назидательно произнес Олег. – У нас подобного рода информация проходит под рубрикой «Их нравы» или «Критика зарубежных систем судопроизводства». Мол, вот до чего дошли «проклятые империалисты» – детей на электрический стул сажают. А может, это дите – уже вовсе и не дите? Может, оно уже смертельно опасно для окружающих!

– Ха, для таких экспертиз нужны сильные психологи, психиатры, методики, условия… деньги, наконец! – невесело усмехнулся Александр. – А где все это взять?

– Вот-вот, – начал заводиться Олег, – а у нас, как всегда, всего не хватает! Психологов нет, методик нет, денег на это – тоже нет! Да что я об этом: бензина не хватает, транспорта не хватает, средств связи, компьютеров… – всего! Ору-

жия, блин, не хватает – пистолетов в отделе только на половину личного состава! А остальных что, с дрекольем на улицу выгонять? Наручников – четыре штуки на весь отдел! Помяните мое слово: государство, которое не может изыскать средств на борьбу с преступностью – захлебнется в ней! Потом придется большой кровью и большими деньгами из этого выбираться!

– Олежек, ну чего ты так завелся? – Валентина томно закатила глаза. – Давай лучше поговорим о чем-нибудь приятном. Все равно мы ничего не изменим…

«Действительно, чего это я так раздухарился? – подумал Олег. – И в самом деле, уже ничего не изменить. Да и государства, как такового, уже фактически нет – распалось на полтора десятка стран, и теперь каждая будет выгребать, как может».

– Ладно, – он решительно встал с кресла, – нам пора…

– Ребята, может, еще чайку? – Валентине хотелось, чтобы парни, особенно один из них, посидели у нее еще немного.

– Нет, Валюша, спасибо! Нам еще надо успеть пообедать: дел сегодня – выше крыши… А пошли с нами в столовку?

– О-о, нет, я на диете.

– Чего? – протянул Олег. – Какая диета? Ты и так прекрасно выглядишь!

– Потому и сижу на диете. Ну, пока, надеюсь на скорую встречу! – Валентина лукаво улыбнулась…

– И почему к тебе так бабы липнут? – спросил Александр, когда они вышли из ИДН.

– Саша, ты делаешь три системные ошибки, – важно изрек Олег, широко шагая по направлению к столовой. Александр еле поспевал за ним, то и дело, перекладывая из руки в руку громоздкий и не очень легкий следственный чемоданчик.

– Какие? – тяжело дыша, спросил он.

– Первая: о бабах ты можешь думать – говорить надо о женщинах! Вторая: женщины ко мне не липнут – они мною интересуются…

– А третья? – спросил Александр, видя, что Олег не собирается продолжать.

– А третья: ты ведь примерный семьянин. К чему эти разговоры?

– Знаешь, Олег, – Александр остановился прикурить, – я всегда немного завидовал тебе и Ояру. Вы по жизни такие независимые – сам черт вам не брат! Опять же с женщинами у вас все легко и непринужденно.

Олег стоял, засунув руки в карманы, и удивленно разглядывая Александра: надо же, наш молчун разговорился.

– Понимаешь, – Михайлову нужно было выговориться, – вот когда две недели назад мы отбивали вас с Ояром в лесу от вояк – там еще парень погиб, которого вы задержали[21] – я подумал, что в следующий раз на вашем месте могу оказаться и я сам. И о чем мне будет вспомнить?

---

[21] * Эпизод описан в книге «Будь ближе к врагу своему».

– Ух ты, как загнул! – Олег покачал головой. – Ну, во-первых, Саша, ты с меня или Ояра в этом отношении пример не бери. Врагу не пожелал бы оказаться в моей ситуации…

– Извини! Ляпнул, не подумавши…

– Ояр – тоже не показатель, у него семья трещит по швам. И еще неизвестно, от того ли, что он по подругам шляется, или, наоборот, он налево бегает потому, что в семье крах? Ты лучше с Витьки Миллера бери пример – он на свою Таньку не надышится. А, кстати, сколько ты женат?

– Уже шесть лет.

– А… Понятно, период кризиса брачных отношений.

– Чего? – вытаращил глаза Александр.

– Саня, нужно читать еще что-нибудь, кроме уголовного кодекса! Социологи подсчитали, что через шесть-семь лет семейной жизни наступает напряженка в отношениях. А тут еще наша развеселая работенка… Я вот что тебе, друг мой, скажу: никто тебе не даст правильного совета в этой ситуации – ты должен сам все решить. Но, кое-что тебе нужно принять во внимание: один сбегает втихаря налево, покувыркается – и назад к жене, лучше ее все равно никого нет. А другой уходит в разнос и все – семья летит вверх тормашками, дети растут безотцовщиной. Так что, тебе решать, Саня. И пошли наконец жрать – у меня кишки уже барабанный бой играют!

После обеда Олег, не заходя в дежурку, направился к себе, справедливо полагая, что в случае необходимости его и так

разыщут, а свое отношение к работе дежурной части он может высказать и позднее.

В коридоре возле дверей его кабинета ошивались две подозрительные личности, от которых исходил характерный запах давно не мытого тела вперемешку с перегаром.

– Какого черта топчемся тут? – сердито спросил Олег, окидывая грозным взглядом «ханурикoв».

– Простите, вы майор Островецкий? – осведомился тип постарше, с остатками интеллигентности на лице.

– Я майор Островецкий…

– Простите еще раз, но нас Ояр Петрович сюда привел и наказал с места не двигаться, пока не дождемся вас.

– И зачем же я вам нужен?

– Мы должны сообщить вам нечто важное.

– Ну заходите!

– Еще раз простите великодушно… – «интеллигентный» алкаш замялся, – но не могли бы вы отпустить нас на пять минут в туалет? Сил больше нет терпеть. Три часа уже здесь стоим.

– А чего раньше-то не сходили?

– Ояр Петрович сказал, что если мы хоть на метр сдвинемся с места до вашего прихода, он из нас отбивную сделает. Вы же знаете Ояра Петровича…

– Знаю, – усмехнулся Олег. – Дуйте мигом в туалет, и назад.

– Покорнейше благодарим, – типы мгновенно улетучи-

лись.

Олег зашел в кабинет и набрал номер телефона Долгоногова.

– Ояр, что это за орлов ты мне подсунул?

– Просил найти свидетелей разговора Хорька с Художником – вот и получи!

– Ах ты длинный охломон, – с чувством начал Олег, – можешь же, когда захочешь! С меня пузырь!

– Два!

– Почему два?

– Я же тебе двух приволок! Между прочим, когда вы с Витькой вчера весьма приятно проводили время, я, по твоей милости, мотался по городу, устанавливая этих типов.

– Так тебе же воздастся за твои благодеяния. Начальство тебя не забудет. Кстати, не хочешь ли поприсутствовать на допросе сих красавцев?

– Не хочу. Я и так знаю, что они скажут, а у меня работы выше крыши…

– Можно, – в кабинет просунулась лохматая голова «интеллигента».

– Входите, присаживайтесь. О чем хотите поведать?

«Ханурики» вошли в кабинет, и расселись на стульях. Постепенно кабинет наполнялся тошнотворным амбре, но Олега это уже мало волновало.

– Ну, господа, излагайте!

– Мы уже рассказали обо всем Ояру Петровичу, а он приказал нам повторить все это вам. В общем, дело было так… Я уже не помню день, но мы втроем: я, он, – «интеллигент» кивнул на молчащего собутыльника, – и Художник, простите, Карлис, стояли около винно-водочного магазина по улице Кулдигас. Мы уже были хорошо выпивши, но хотелось еще, и мы соображали, где бы еще «догнаться». Ну, вы же понимаете, как это бывает? И тут подошел молодой человек и попросил помочь ему донести вещи до остановки. Он де, уходит из дома от жены и забрал кое-какие вещи. Ну, я отказался – у меня проблемы со спиной, этот, – «интеллигент» вновь кивнул на соседа, – тоже, а Карлис согласился. Он ушел с этим молодым человеком, а через некоторое время вернулся с деньгами – как раз хватило на две бутылки водки.

– А кроме денег, у него ничего не было? Например, серебряных ложечек?

– В руках точно не было. Да и в карманах, наверное, тоже – он бы сказал, он человек бесхитростный.

– Добро, ну, а того, молодого, опознать сможете?

– Ну… – замялся «интеллигент»…

– А ты не мнись! Эта сволочь, между прочим, вашего приятеля ни за что на нары тянет!

«Интеллигент» бросил взгляд на сотоварища. Тот молча кивнул головой.

– Мы постараемся, – пообещал «интеллигент».

Организация опознаний с последующими очными ставками заняла еще около двух часов. «Интеллигент» и его товарищ уверенно опознали Хорька и подтвердили свои показания на очных ставках.

Олег вызвал Крауклиса к себе в кабинет. Того доставил из ИВС помощник дежурного по отделу. Художник недоуменно озирался, пытаясь понять, почему следователь вызвал его не в следственную камеру, а в свой кабинет.

– Ну, догадываешься, почему я тебя сюда вызвал? – спросил Олег.

Крауклис с надеждой посмотрел на него.

– Совершенно верно. Невиновность твоя доказана, и я изменяю тебе меру пресечения с ареста на подписку о невыезде. Распишись, – Олег протянул ему бланк.

Крауклис пытался поставить свою подпись, но рука у него дрожала. Он поднял на Олега полные слез глаза.

– Я сейчас… Я соберусь…

– Соберись, соберись, – Олег отвернулся к окну. Он тоже был немного взволнован. Не каждый день следователю доводится выпускать подследственного, доказав его невиновность, и это, оказывается, приносит куда больше удовлетворения, чем отправка за решетку матерого преступника.

– Конечно, можно было бы выпустить тебя вчистую, без подписки, но такова процедура. А вдруг суд потом решит, что ты ужасный разбойник. Скажут потом: Островецкий

бандюков выпускает, – за внешней грубоватостью Олег пытался скрыть некоторую неловкость, ведь по сути дела по его милости Художник больше месяца просидел в СИЗО. Хотя, как это там говорил Жеглов: «Вины без вины не бывает». Пить надо было меньше – вот и не попал бы в неприятную историю.

Крауклис, наконец, подписал бланк подписки о невыезде и молча взглянул на Олега.

– А знаешь, Карлис, – хмуро начал Олег, – я не собираюсь приносить тебе извинения. Во всех своих бедах виноват ты сам. Не пил бы – не лишился бы семьи, работы… В конце концов, не попал бы на нары. И вот тебе мой совет: бросай пьянствовать! Иначе, в следующий раз влипнешь по-крупному, и еще не факт, что кто-то потом будет с тобой возиться, как мы с Долгоноговым.

– Товарищ майор, – Крауклис наконец справился с собой, но голос его еще дрожал, – я не знаю, поверите Вы мне или нет, но я долго думал – было время. Я больше ни капли спиртного в рот не возьму. Из-за этой проклятой водки я и так уже лишился почти всего на свете: дочки, жены, друзей… Вы думаете, я не понимаю, что из-за меня у вас с Долгоноговым были неприятности? Я все прекрасно понимаю. Просто, спасибо вам за то, что вы оказались людьми!

– Ладно, иди к дежурному, получи свои вещи, – Олегу было почему-то неловко выслушивать эти слова признательности.

Крауклис благодарно кивнул и направился к двери. У порога он обернулся и посмотрел на Олега. В глазах его читалось сомнение.

– Карлис, что-то еще? – удивленно спросил Олег.

– Простите, не знаю, товарищ майор, нужно вам это или нет, – наконец решился тот, – но вчера вечером к нам в камеру посадили одного малолетку. И тот сразу начал изображать из себя крутого, говорил, что ему ничего не стоит убить человека, что он уже порешил одного своего приятеля… Не знаю, может, просто болтал, чтобы цену себе набить: бывает, знаете, испугался в камере…

– Ладно, Карлис, иди, я разберусь, – задумчиво пробормотал Олег.

Крауклис, растерянно потоптавшись, покинул кабинет. Олег открыл пухлый том уголовного дела и стал продумывать план обвинительного заключения, но что-то мешало сосредоточиться. Он вышел из-за стола и, засунув руки в карманы, принялся молча ходить взад-вперед по кабинету. Что-то в словах Крауклиса его насторожило. Олег подошел к телефону и набрал номер начальника ИВС.

– Старший лейтенант милиции Ивасюк слушает, – донеслось из трубки.

– Скажи-ка мне, старший лейтенант милиции Ивасюк, а в какой камере у нас сидел Крауклис?

– А, Олег! Сейчас посмотрю, – было слышно, как Ивасюк зашуршал бумагами. – Вот, в пятой…

– А кто, кроме него, там еще обитает?

– Так: Кравцов – матрос с сухогруза «Козельск» – получил пятнадцать суток за пьяный дебош в интерклубе, Буров – ну, это известный «домашний боксер» – опять жену поколотил. Тоже пятнадцать суток. И вчера вечером посадили малолетку – Прохорова Виталия – устроил драку возле ресторана, опять же оказал сопротивление пэпээсникам – получил пять суток. А что?

– А скажи-ка мне, господин начальник ИВС, как это у тебя подследственный оказался в одной камере с административно арестованными? И как малолетка оказался в одной камере со взрослыми?

– А куда я их дену? Все камеры переполнены, – начал заводиться Ивасюк. – Между прочим, Шестаков решает, кого куда сажать – он сейчас исполняет обязанности зама по оперативной работе. А я лишь исполняю его распоряжения. Среди уголовных Крауклис самый спокойный, вот Шестаков и приказал посадить всех административников к нему, а потом и малолетку этого… А то, блин, подельников в одну камеру не сади, уголовников с административниками – не сади, малолеток со взрослыми тоже нельзя, женщин – отдельно… Где я вам камер на всех напасусь? У меня ИВС не резиновый! Я того умника, что инструкции пишет, пригнал бы сюда и сказал: вот тебе камеры, вот тебе контингент – решай задачу со многими неизвестными, рассаживай!

– Ладно, не бухти! Инструкция составлена толково, толь-

ко под каждую такую бумагу нужны средства для реализации, а с этим у нас всегда была напряженка. Считается, что главное нарисовать правильную бумагу, а дальше все само пойдёт, бумага тебе новые камеры построит… Кстати, женщин у тебя на постое сейчас нет – так что не прибедняйся, сирота. Лучше принеси-ка мне материалы на Прохорова.

Спустя несколько минут в кабинет Олега вошел взъерошенный Ивасюк.

– Не ожидал, Олег, что на меня наезжать будешь. На вот, посмотри все бумаги – все чин чинарем! Все меня валтузят: начальник отдела, Шестаков, прокурор – теперь вот и ты…

– Угомонись! – прикрикнул на него Олег. – Мне на твою кухню – с высокой колокольни… И без меня найдется, кому тебя отыметь! Скажи-ка лучше, ты его фотографировал?

– Ты что, Олег! Он же административник.

– И, естественно, не дактилоскопировал?

– Конечно…

– Вот что, сфотографируй его и откатай пальчики – типа так положено.

– Ты что, Олег, я не могу без разрешения Шестакова. А зачем тебе?

– Сам еще не знаю. На всякий случай. А разрешение Шестакова ты, я думаю, получишь.

Олег выписал все данные из протокола на Прохорова и вернул бумаги. Ивасюк недоуменно пожал плечами и удалился. Олег набрал номер телефона Шестакова.

– Володька, мне нужно с тобой поговорить.

– Олег, опять ты чего-то замутил? Конец рабочего дня – давай отложим все на завтра.

– Не откладывай на завтра то, что должен сделать сегодня! – отозвался Островецкий. – И позови Ояра, он сейчас корпеет над бумагами, и Сашку Михайлова. Этот сегодня в опергруппе и должен быть в дежурке.

– Олежа, когда ты мне звонишь с такими заявлениями, у меня начинает нехорошо биться сердце! Что там еще стряслось?

– Сейчас зайду и расскажу.

Когда Олег вошел в кабинет Шестакова, там уже находились, кроме хозяина, Ояр и Михайлов.

– Олег, если что-то не срочное, то давай разбежимся – я своей обещал прийти сегодня пораньше, – Шестаков уже убирал бумаги в сейф.

– А у меня писанины по горло, – недовольно пробубнил Ояр.

Михайлов промолчал. Ему не хотелось встревать в перепалку старших. Да и все равно, он сегодня до утра в опергруппе. Так что, без разницы – торчать в дежурке или сидеть в кабинете начальника угрозыска.

– Все высказались? – спокойно начал Олег. – А теперь послушайте меня: у нас в ИВС сидит сейчас Прохоров Виталий Сергеевич, семнадцати лет…

– Ну да, – отозвался Шестаков, – получил пять суток за мелкое хулиганство и сопротивление… А в чем дело-то!

– Понимаешь, с ним в одной камере сидел Художник. Я его сегодня выпустил под подписку. Так вот, перед уходом он сказал мне, что этот Прохоров, якобы, хвастался в камере, что «замочил»[22] своего приятеля.

– Ну, мало ли кто чего в камере наплетет, особенно малолетка, – усмехнулся Ояр.

– Олег, ты что, серьезно думаешь, что Прохоров кого-то там «замочил»? – недоверчиво спросил Шестаков.

– Не знаю, Володька. Может, просто цену себе набивал, а может… Послушай, у нас вроде бы «темных» «мокрух»[23] нет?

– Тьфу, тьфу, тьфу! – Шестаков трижды сплюнул через левое плечо и постучал себя кулаком по лбу.

Все невольно заулыбались.

– А пропавшие без вести? – спросил Олег. – Есть у нас такие, которые по возрасту подходят?

Шестаков принялся набирать что-то на компьютере. Кроме него, компьютеры в отделе были только в ГАИ и паспортном отделении. Поэтому Олег, Ояр и Александр смотрели сейчас на Шестакова почти как камлающего шамана.

– Ну вот, – сказал Владимир, закончив манипуляции, – машинка выдала четырех: Рихард Пуре, 17 лет; Юрий Ти-

---

[22] * «Замочил» – убил *(жарг.)*.

[23] * «Мокруха» – убийство *(жарг.)*.

щенко, 19 лет; Гунар Целмс, 18 лет и Валдис Латников, 22 года.

Шестаков в раздумье машинально забарабанил пальцами по столу. Остальные молча смотрели на него, ожидая решения. Наконец ладони сложились лодочкой.

– Ояр, – Владимир посмотрел на Долгоногова, – завтра займись проверочкой. Не пересекался ли кто-либо\с Прохоровым?

Ояр кивнул головой и принялся неспешно переписывать установочные данные с монитора компьютера в свой потрепанный блокнотик.

– Саня, – продолжил Шестаков, – ты все равно сегодня в опергруппе. Подбери до утра все материалы по этим лицам – все, что успеешь нарыть.

– Ну, если ночь будет спокойная – то сделаю, а если веселая – не обессудьте, – Михайлов развел руками. – Кроме того, я завтра хочу с утра Захаревских к Олегу доставить.

– Думаешь, они «бомбанули» школу? – спросил Шестаков Олега.

– Думаю, да…

– Так… – Шестаков продолжал выбивать пальцами барабанную дробь, – фамилии пропавших ребят у всех на слуху. Всеми ими занимались в свое время, а вот пересекались ли они – трудно сейчас сказать навскидку. Ладно, подождем до завтра…

– Ояринь, я вот что подумал, – задумчиво произнес

Олег. – Там у Прохорова при задержании кое-какие вещички изъяли: часы, там, цепочку, еще какое-то барахло – посмотри потом в протоколе задержания. Так вот, будешь отрабатывать пропавших ребят – прикинь там, между делом, по вещичкам. Может, что и проклюнется…

– Ладно, давайте по домам! – хлопнул ладонью по столу Шестаков. – Да, Олежа, подкинул ты нам задачку. Я скоро от тебя прятаться буду.

Олег лишь виновато развел руками.

Перед уходом домой Олег заскочил в дежурную часть.

– Если понадоблюсь – звони сюда, – протянул он дежурному клочок бумаги с номером домашнего телефона Лиды.

Тот в ответ только крякнул и широко заулыбался.

– Ты мне не хрюкай! И постарайся, чтобы это не разнеслось по отделу, – усмехнулся Олег, набирая на пульте номер телефона Миллеров.

Дежурный скрестил руки на груди: мол, ты что, Олег, за кого ты меня держишь?

Трубку взяла Татьяна.

– Тань… – жалобно заныл Олег.

– Можешь не продолжать! Светку я забрала, покормила, сейчас буду купать. Так что до утра можешь не появляться.

– Танюха, ты лучше всех! – воскликнул Олег.

– Ага, скажи это моему Миллеру!

Через полчаса Олег с бутылкой сухого вина, коробкой конфет и букетиком цветов стоял у двери Лидиной квартиры. Немного подумав, он решительно нажал кнопку дверного звонка. Дверь открыла Лида. Увидев Олега, она улыбнулась от радости, потом вскрикнула и прильнула к его груди…

Утром у входа во флигель следственного отдела Островецкого уже ждал Михайлов.

– Привет, Саня! – Олег поздоровался с ним за руку. – Как прошла ночь?

– Относительно спокойно. Было пару «мелких» – помдеж с участковым выезжали. А так – все тихо… Да ты и сам должен быть в курсе – тебя же не дергали.

«И слава Богу»! – усмехнулся про себя Олег. Хуже нет, когда тебя ночью выдергивают из постели хорошенькой девушки и гонят, невесть куда осматривать очередное место происшествия. А затем, невыспавшийся и усталый, ты должен еще целый рабочий день пахать по своему плану – твою текучку ведь никто не отменял. Конечно, после дежурства в опергруппе, положено было давать отгул, но об этом уже все давно забыли, и намекни он об этом руководству, его бы просто не поняли…

Поэтому Олег, всегда старался на день, что после дежурства, планировать поменьше, на худой конец – не вызывать на это день людей, но не всегда получалось. А такая спокойная ночь, как сегодня, в последнее время, увы, выдавалась

нечасто.

– Чем еще порадуешь? – спросил Олег.

– Справку для Ояра и Шестакова по списку пропавших без вести я подготовил. Ояр по ней уже работает. Захаревских я с утра привез тепленьких. Сидят в «телевизоре»[24]. Раскололись сразу, еще дома! Привез два рюкзака краденых продуктов.

– Подожди, ты что же, произвел несанкционированный обыск? Изъял всё без понятых? Как я теперь все это к делу пришью?

– Обижаешь, начальник! Все зафиксировано добровольной выдачей. Плюс чистосердечное… Тебе осталось только все оформить, как полагается – и в суд…

– Ладно, тащи их ко мне вместе с вещдоками, а я пока педагога вызову.

– Уже…

– Что уже?

– Я уже вызвал. Из первой средней школы ровно к девяти часам подойдет учительница.

– Хм, приятно иметь дело с толковыми операми, молодец ты Сашок! – похвалил Олег.

Александр, собственно, не обязан был этого делать. Несовершеннолетних по закону можно допрашивать только в присутствии родителей или педагога. С родителями ча-

---

[24] * «Телевизор» – местный аналог российского «обезьянника», места временного содержания задержанных *(милиц. сленг).*

стенько получались накладки: то их не было вовсе, то они были не в состоянии присутствовать на допросе. В этих случаях всегда вызывали учителей из соседней школы. Но это было обязанностью следователя, и то, что Саша взял вызов педагога на себя, тронуло Олега.

– А что, мамаша неподъемная? – ухмыльнулся Олег.

– Ты себе не представляешь, что там творится. Натуральный бомжатник. Мебели почти никакой. Стены оплеванные, закопченные. Повсюду валяются пустые бутылки, объедки… Ужас…

– Ну, почему же не представляю? – невесело усмехнулся Олег. – Еще как представляю! До боли знакомая картина.

Таких «блатхат»[25] Островецкому довелось повидать на своем милицейском веку немало. Поэтому ему не было нужды самому наведываться в квартиру Захаревских – он и так мог себе представить, что там творилось.

– Ну, а с мамашей-то что? – переспросил Олег.

– Валялась вдрызг пьяная в спальне на матрасе с каким-то алкашом. Ну, я дал ему пинка под зад, чтобы выметался, а любящую маменьку привести в чувство так и не сумел – в умат…

– Подожди, а пацанва тоже?

– Да нет, что ты… Так, запашок, остаточные. Можешь спокойно допрашивать…

– Ладно, тащи их ко мне!

---

[25] * Блатхата – притон *(жарг.)*.

Олег проследовал к своему кабинету. Там его ждал еще один сюрприз – около двери прохаживалась заведующая школьной столовой Илзе Лапиня. Одета она была весьма откровенно: расстегнутая дорогая кожаная куртка, под которой находилась «фирменная» футболка, практически не скрывающая ее пышных прелестей. Короткая, не по возрасту и не по фигуре, джинсовая юбка. Олег усмехнулся про себя: так не одеваются, чтобы привлечь мужчину к серьезным длительным отношениям, скорее наоборот – чтобы спровоцировать на моментальный короткий секс где-нибудь на столе в кабинете. Но, извините, глубокоуважаемая Илзе Батьковна, сегодня не ваш день. С малознакомыми дамочками я такими вещами на рабочем месте не занимаюсь. И чего же тебя так, милая, разобрало? Неужели так сильно хочется? Вроде бы замужем – вон колечко на правой руке…

– Здравствуйте, Илзе, – Олег попытался изобразить на своем лице максимум доброжелательности.

Сработало: красотка томно улыбнулась.

– А я Вам справочку о похищенном принесла, вот, с печатью – все, как положено, – весело защебетала она.

– Большое Вам спасибо, дорогая Илзе! – проникновенно сказал Олег. – Я, правда, сегодня делами перегружен, но в ближайшие дни обязательно вызову Вас к себе. Я Вам позвоню по телефону, договорились?

– Буду ждать, – многозначительно проворковала красотка и, крутнув бедрами, удалилась.

Островецкий сел за стол и принялся изучать справку.

«Ого! – мысленно воскликнул он, прикинув объем и общий вес похищенного. – Либо Захаревские – чемпионы по тяжелой атлетике, либо…».

Его размышления прервал Михайлов, притащивший в кабинет два объемистых, тяжелых рюкзака, набитых продуктами.

– Это все? – спросил Олег.

– Почти все. Кое-что съели вчера. Немного дали Бублику…

– Это еще что за фрукт?

– Ты был прав, в краже принимал еще один пацан – Павел Бабаенко по прозвищу Бублик. Это сосед Захаревских. Пацану двенадцать лет. Я его вместе с родителями вызвал к тебе на завтра. Кстати, вполне приличная семья. Скорее всего, пацан влип в это дело под влиянием Захаревских. Между прочим, это он стоял на стреме, именно там, где ты говорил.

Олег выложил продукты из рюкзака на стол. Все изъятое необходимо было описать, но даже мимолетного взгляда хватило ему, чтобы понять: список похищенного, переданный ему Лапиней, завышен раза в два. Даже с учетом испорченного, съеденного и переданного Бублику. Ай да веселушка-хохотушка! Не удержалась-таки, чтобы не прибрать кое-что к рукам. Олегу стал понятен ее нехитрый план: подмахнуть следователю, глядишь – и не будет дотошно разбираться со списком. А даже, если и разберется, то не станет же

он уличать женщину, с которой был в близких отношениях. Молодец, баба! Умеет сочетать приятное с полезным. Ладно, пусть с ней бэхаэсэсники разбираются. И без того работы хватает.

Олег сгреб все продукты обратно в рюкзаки. Осмотр изъятого можно будет сделать и позднее.

В дверь негромко постучали.

– Входите! – крикнул Олег.

В кабинет вошла молодая светловолосая женщина, лет двадцати пяти, в строгом деловом костюме, длина юбки которого была, правда, несколько общепринятых норм.

«Училка, – сразу определил Олег. – А что, снять бы с нее эти строгие очки, добавить чуток косметики – и была бы красотка хоть куда»!

Девушка спокойно выдержала оценивающие взгляды Олега и Александра.

– Вия Берзиня, – представилась она. – Я преподаю в первой средней школе латышский язык и литературу. Меня вызвали сегодня к девяти утра.

– Виечка, Вы позволите себя так называть? – Олег был весь любезность. – Я сейчас буду допрашивать несовершеннолетних, и процедура требует присутствия педагога…

– Я в курсе. Мне Ваш коллега объяснил.

– Вот и прекрасно. Присаживайтесь на стульчик около окна – здесь Вам будет удобно. Саня, – обернулся он к Михайлову, – давай сюда Николая Захаревского.

Олег решил начать допрос с него, справедливо полагая, что он будет пожиже сестренки характером. Михайлов ввел в кабинет невысокого, худенького подростка. Тот производил жалкое впечатление: давно не стриженные, слипшиеся от грязи волосы, испуганные, бегающие глаза на прыщавом лице, заискивающая улыбка. От природы сутулый, он еще больше съежился, как бы в ожидании удара. На нем была замызганная кожаная куртка – явно с чужого плеча, грязные брюки и кеды.

«Куртку тоже, наверное, где-то спер, – подумал Олег. – Ну, об этом его можно и потом расспросить. Кеды придется изъять на экспертизу. Надо послать Сашку на чердак, чтобы притащил оттуда этому щенку пару бесхозной обуви».

На чердаке отдела милиции была свалка бесхозных вещей. При обысках и осмотрах мест происшествия всегда изымается масса не относящихся к делу предметов, установить принадлежность которых зачастую не представляется возможным. Так и пылится потом там.

Олег начал задавать Захаревскому необходимые вопросы, уточняющие его анкетные данные, исподволь при этом анализируя поведение подследственного. Тот был явно очень напуган, и причины этого страха Олег понять не мог. Ну, не от того же, что попался на краже, он так трясется? Это же не первый его привод в милицию. Мог, конечно, и Сашка припугнуть его, чтобы поменьше кочевряжился, но для т а к о г о страха нужны более глубинные причины.

Олег выдерживал паузу и тяжелым взглядом смотрел на Захаревского – ничего, пусть подергается, понервничает – сговорчивее будет.

– Так, – наконец сказал он, – а теперь подробно расскажи, как вы обчистили столовую. И не ври мне! Не люблю этого!

– Я не буду врать, я все честно… – сбивчиво начал Захаревский. – Мы с Айной кушать хотели. Дома нечего кушать. Ну, Айна и предложила забрать продукты из школы – мы видели, как туда их привозили. Первую ночь посмотрели, как сторож работает, а на вторую ночь пошли… Подождали, пока сторож пройдет. Потом я разбил окно, залез в кухню. Ломик у меня был с собой. Сломал дверь в кладовку. Набрал продуктов и подавал их Айне, а она складывала их в рюкзаки…

– А зачем погром в кухне устроил?

– Что устроил? – недоуменно переспросил Захаревский.

– Зачем посуду разбрасывал, муку, сахар рассыпал?

Захаревский лишь виновато пожал плечами: не понимаю, мол, как так получилось. А что тут понимать? Тебя вечно унижают, издеваются над тобой. Вот и выплеснулась у тебя вся злоба на окружающий мир.

Олег тяжело вздохнул. Ему было жаль это запуганное, замордованное жизнью существо.

– Куртка откуда? – внезапно спросил он.

– Какая куртка? – испуганно дернулся Захаревский.

– Та, которая сейчас на тебе! Только не говори, что твоя.

Она, как минимум, на три размера больше, да и дорогая – у тебя в жизни таких денег не было.

– Я ее на помойке нашел. Она была старая, ее кто-то выбросил, – глазки Захаревского испуганно забегали.

«Врет, паразит, – подумал Олег. – Но выяснить про куртку пока, видимо, не удастся». В розыске она не числилась, заяв не было. Но, к бабке не ходи, за курткой что-то стоит. Не зря он так задергался. Может, снял с кого-то? Да нет, непохоже. Судя по размеру, куртка принадлежала крупному человеку. Вряд ли он отдал бы ее этому шибздику. Дал бы разок по башке – и дело с концом. А если их было несколько? Стайка таких шакалят многое может натворить… Ладно, оставим пока куртку в покое.

– Кто еще с вами был в школе? – Олег вернулся к эпизоду кражи из столовой.

– А, так этот… Бублик. Он живет рядом. Постоянно с нами крутится. Не гнать же его. Он нам иногда поесть приносит…

«Добрый мальчишка, – усмехнулся про себя Олег. – Ну, и устрою же я завтра его предкам, а не то профукают пацана, потом будут локти кусать…».

Олег оформил протокол допроса и дал расписаться Захаревскому и Берзине.

– Саня, – обратился он к Михайлову, – отведи его в дежурку, изыми кеды на экспертизу и подбери пацану на ноги что-нибудь на чердаке. Ключ у старшины отдела возьми.

И это, не сажай его в «телевизор», пусть посидит возле дежурки. Заводи его сестрицу!

Михайлов увел Захаревского и впустил его сестру. В кабинет вошла юная, но уже вполне сформировавшаяся девушка. Выглядела она куда старше своих четырнадцати лет, чему немало способствовал неумеренный макияж на лице и прикид: коротенькая черная юбчонка и колготки в сеточку. Ее лицо можно было бы назвать даже красивым, если бы не злые, порочные глаза. Она была похожа на брата, но, странным образом, то, что привлекало в ее облике, отталкивало в ее брате. Так порой на одной ветке соседствуют расцветающий бутон и чахлое больное соцветие.

Девица уселась на стул и вызывающе забросила ногу на ногу, показывая всё, что можно. Олег усмехнулся: подобные штучки на него уже давно не действовали. Но девчонка непроста – поди подбери к ней ключик. На вопросы Айна отвечала спокойно. Да и чего бояться – реально ей все равно ничего не будет, максимум – условно, и она это хорошо понимала.

Олег уже заканчивал оформлять протокол допроса, когда вернулся Михайлов. Он лишь молча кивнул Островецкому: все выполнил.

Закончив писать, Олег решил сказать Захаревской несколько слов в назидание.

– Знаешь, Айна, – начал он, – сейчас для тебя все закончится легким испугом, но это последний звоночек. В сле-

дующий раз все может обернуться колонией. Твоя нынешняя жизнь тебя до добра не доведет. Перестань пить, вернись в школу, на худой конец – иди на работу. Познакомься с каким-нибудь хорошим парнем…

Реакция Айны была неожиданной: глаза ее налились злобой, лицо пошло пятнами.

– С парнем? С каким парнем?? – яростно зашипела она. – Что вы вообще знаете про жизнь? Вы знаете, что такое не жрать несколько дней и собирать объедки?! Пять лет назад, – голос ее зазвучал глуше, но глаза горели бешенством, – мне было девять лет, и меня оттрахал собственный пьяный папашка! Напоил водкой и оттрахал, а потом еще пустил по кругу своих пьяных корешей! Я не помню, сколько их было: трое?.. четверо?.. Пьяная мамашка валялась рядом на диване – ее тоже до того пустили по кругу! А Колька сидел в углу и плакал – просил, чтобы меня отпустили… И его били, чтобы заткнулся… Меня хоть накормили, а ему бросали объедки со стола… – вспышка ярости прошла, и голос Айны звучал уже еле слышно. Она съежилась на стуле и тихо всхлипывала.

Олег сидел, стиснув голову руками и прикрыв глаза: господи, есть ли предел человеческой мерзости? За одиннадцать лет службы он навидался всякого. Казалось бы, все уже – вот дно человеческой грязи, дальше уже просто некуда! Однако каждый раз оказывалось, что и это еще не предел – человеческая мерзость дна не имеет!

Олег открыл глаза и перевел взгляд на учительницу. Бедная Вия сидела, вжавшись в стул, глаза ее были полны ужаса. Саша Михайлов с окаменевшим лицом уставился в угол.

– Айна, – хрипло выдавил из себя Олег, – напиши заявление, и я тебе клянусь: сегодня же все эти подонки будут сидеть в камере! И папашке твоему срок за это накинем!

– Ничего я писать не буду, – Айна перестала всхлипывать.

Злоба ушла из ее глаз вместе со вспышкой ярости. Теперь она просто походила на несчастного замордованного ребенка.

– Мне еще здесь жить, – тихо добавила она. – А если я заявлю… – Айна махнула рукой. – Кольку только не трогайте, это я его подговорила…

На некоторое время в кабинете возникла гнетущая тишина. Олег размышлял над сложившейся ситуацией. Наконец он принял решение.

– Айна, – как можно мягче обратился он к девушке, – выйди пока и обожди в коридоре.

Девушка поднялась и покинула кабинет.

– Олег, ты что-то решил? – спросил Михайлов.

– Да, – твердо ответил Олег. – Я прекращаю дело и передаю материалы на комиссию по делам несовершеннолетних.

– Но у них же куча приводов?

– Я сажать за кусок колбасы не буду! – резко отрубил Олег.

– А гражданский иск? Там же внушительная сумма!

– А пусть управление торговли, которому принадлежит

столовая, обращается в суд в порядке гражданского судопроизводства. Посмотрим, как гражданка Лапиня будет в суде обосновывать свои немыслимые суммы.

– Обоснует, как-нибудь, – хмыкнул Александр. – Но они же через суд по гражданскому иску ничего не получат! Что они могут взять с Захаревских?

– А меня это не колышет! Это их проблемы.

Олег принялся оформлять протокол допроса. Через несколько минут Александр пригласил Айну в кабинет. Олег дал ей подписать протокол и сообщил о своем решении. Девушка удивленно посмотрела на него, тихо поблагодарила и вышла. Никаких нотаций Олег решил ей не читать – бессмысленно. В свои весьма юные годы эта девочка уже навидалась такого…

– Все равно, они сядут, – задумчиво произнес Александр. – Их уже не исправить…

– Знаю, – сердито ответил Олег. – Только это будет в другой раз и за более серьезные дела. Все, иди, выпускай пацана!

Александр ушел. Вия подошла к Олегу и протянула ему руку.

– Олег Семенович, если Вам еще понадобятся услуги педагога – звоните прямо мне. Телефоны у вас есть.

– А если не педагога? – Олег задержал ее руку в своей и нахмурился, сообразив, что сморозил пошлость.

Девушка улыбнулась, но руки не выдернула.

– Мне жаль, – продолжил Олег, – что Вам сегодня при-

шлось выслушать такое…

– Ничего, – грустно улыбнулась девушка. – Нужно же когда-то познать жизнь и с этой стороны.

Она вдруг чмокнула Олега в щеку и выбежала из кабинета.

До вечера Олег корпел над бумагами. Около семи, когда он уже собирался домой, вдруг зазвонил телефон.

– Олег, – раздался в трубке голос Шестакова, – зайди ко мне!

В кабинете Шестакова уже находились Ояр Долгоногов и Саша Михайлов.

– Ну, все в сборе, – начал Шестаков после короткого обмена приветствиями. – Ояр, крути свой лисапет, докладывай!

– Значит так, – Долгоногов даже не заглядывал в свои записи, – в результате отработки пропавших без вести выяснилось, что Прохоров, у которого, кстати, есть погоняло Проша, был знаком только с Юрием Тищенко и Гунаром Целмсом. Причем с Тищенко было знакомство шапочное – они когда-то учились вместе в школе, пока тот с родителями не переехал в другой район города. А вот с Гунаром Целмсом Прохоров поддерживал отношения вплоть до момента исчезновения Целмса. Во всяком случае их иногда видели вместе на дискотеках. В общем, я вплотную занялся Целмсом, встретился с его родителями. Они тоже немного знакомы с Прохоровым, во всяком случае, несколько раз видели его

у себя дома. Короче, я поднял розыскное дело на Целмса, – Ояр немного замялся. – Там есть описание вещей, в которых Гунар был на момент исчезновения. В частности у него были при себе часы «Победа». В розыскном деле есть паспорт на них…

– Слушай, не тяни кота за яйца! – нетерпеливо перебил Олег.

– Короче, у Проши при задержание изъяли часы Гунара Целмса!

– Твою мать! – тихо выругался Шестаков. – Значит, этот сучонок не блефовал! Так, Ояр, выкладывай все, что нарыл по Целмсу!

Долгоногов немного помолчал, мысленно анализируя всю добытую информацию.

– Значит так, Целмс Гунар Иварович пропал без вести десять месяцев назад – в ноябре прошлого года. На момент исчезновения ему было восемнадцать лет. Кличка Чика. Немного приблатненный, но, в общем-то, неплохой парень. С Прошей не то, чтобы дружил – так, поддерживал отношения. Скорее Проша к нему набивался в друзья. Еще бы, у Чики водились деньжата – подфарцовывал маленько. Опять же, парень независимый – два года боксом занимался. Мог при случае вступиться за Прошу. С девчонками опять же проблем не было… В деле есть фотографии Целмса, сделанные незадолго до его исчезновения.

Олег взял одну из фотографий. С нее смотрел улыбаю-

щийся светловолосый парень с насмешливыми глазами.

– А во что Целмс был одет на момент исчезновения? – спросил Шестаков.

– Он был в кожаной куртке-косухе черного цвета, свитере, джинсах, кроссовках. Из вещей, кроме часов, были: цепочка, перочинный нож, деньги… Сумма неизвестна, но, как утверждают родители, Чика всегда был при деньгах…

– Подытожим, – задумчиво произнес Шестаков. – С большой долей вероятности можно утверждать, что Целмс убит и убил его Прохоров. Но как к этому гаденышу подступиться? Трупа нет, и где он – мы не знаем.

– Да чего гадать? Надо поднимать Прошу из камеры и колоть! – взорвался Ояр. – Он, сучонок, такого парня завалил! И, кстати, при нем были часы Целмса.

– А если не расколем? Судя по всему, этот Проша – сволочь редкостная – наглый, беспринципный. Его на понт не возьмешь…

– А часы? – не сдавался Ояр.

– А что часы? Скажет, что незадолго до исчезновения Чика подарил их ему, и поди докажи обратное… А через три дня его выпускать надо. А ну, как подастся в бега?

– Я тоже против прямолинейных действий, – поддержал Шестакова Олег. – Считаю, что в лоб Прохорова не расколоть. Нужно разыскать труп, а для этого нужно найти подходы к Проше. Ты не сможешь «пробить его понизу»[26]? – об-

---

[26] * «Пробить понизу» – провести внутрикамерную разработку *(милиц. сленг).*

ратился он к Владимиру.

– Не успею подготовить подсадного, – ответил Шестаков.

– Может, продлить ему сутки? Оформить, как очередное сопротивление… – предложил Ояр.

– Не пойдет! – возразил Олег. – Пацан неглупый – сразу же насторожится.

– А если допросить его сокамерников? – спросил молчавший до того Михайлов. – Какие-никакие, а косвенные улики…

– Допросим, но не сейчас, а когда перейдем к открытой фазе расследования. А сейчас они могут рассказать обо всем Проше. А без трупа и часы, и показания сокамерников – гроша ломаного не стоят. Короче, надо Прохорова спокойно выпускать, а за это время подготовить ему подводку. У вас есть кто-нибудь на примете, господа опера? – Олег обвел взглядом сотрудников уголовного розыска.

Те ненадолго замолчали, прикидывая свои оперативные возможности.

– Есть у меня один парнишка, – наконец произнес Ояр. – Снабжает иногда меня ценной информацией.

– Из твоей агентуры? – мгновенно осведомился Шестаков.

– Нет, я его никак не оформлял…

– Ты что, издеваешься? – взревел подполковник. – У нас план по агентуре не выполнен, а ты информатора скрываешь?! Немедленно оформи его, как положено!

– И не подумаю! – отрезал Ояр. – Мне этот парень нужен, как ценный информатор, а не для галочки в деле. И сейчас только я его знаю…

– Ты что же, мне не доверяешь? – с обидой воскликнул Шестаков.

– Тебе – доверяю! И всем вам доверяю! Но информация о нем пойдет дальше, будет зафиксирована в учетных документах, в компьютере. И мне начхать, что там будет проставлен гриф «совсекретно». Нет ничего секретного, чтобы это когда-нибудь не рассекретилось. Не нужна мне такая головная боль! А если тебе нужна агентура для плана – я тебе мигом нарисую от фонаря…

– Ага, каких-нибудь бомжей или алкашей…

– Так, господа сыскари, – Олег решил прекратить перепалку, – со своей кухней вы разберетесь как-нибудь без меня. Давайте вернемся к делу! Ояр, у тебя есть, кого подвести к Прохорову.

– Пожалуй, да. Думаю, мой парень, хотя бы мимолетно, но с ним знаком.

– Тогда, готовь операцию. И вот еще что: Чика, судя по всему, физически был значительно сильнее Прохорова, да еще бывший боксер…

– Ты думаешь, у Проши были сообщники?

– Уверен! Поэтому, займитесь ближайшим окружением Прохорова. Нужно детально отработать все его связи. Если выйдем на сообщников и расколем, тогда, с их помощью,

прижмем и Прошу. А знаете, мужики, что мне покоя не дает? Я сегодня допрашивал Николая Захаревского. Так вот, на нем была похожая куртка-косуха, явно не его размера. И вел он себя очень странно – был чем-то страшно напуган. Захаревский не первый раз имеет дело с милицией, и этот привод не мог его так напугать. У него был какой-то животный страх.

– Да нет, Олег, – вступил в разговор Михайлов. – Этого не может быть. У Захаревского на такие дела кишка тонка! Где он, а где убийство? Может быть, он действительно где-то нашел эту куртку? Или подарил кто? Да и, скорее всего – это вообще другая куртка.

– Подарил, говоришь? – усмехнулся Олег. – Кто? Когда? При каких обстоятельствах? Считаю, что все это надо выяснить.

– А ведь Захаревский есть в списке связей Прохорова, – задумчиво пробормотал Долгоногов.

– Тем более имеет смысл им заняться. Ояр, крути педали: надо придумать комбинацию, чтобы показать эту куртку родителям Целмса.

– Есть одна идея. Ты ведь прекращаешь дело в отношении Захаревского и отправляешь материалы на комиссию по малолеткам?

– Да.

– А официально ты ему об этом еще не объявлял?

– Нет, я еще не все материалы подготовил.

– Вот и прекрасно! Ты же все равно должен объявить ему это под роспись. Вызывай его, а я обеспечу явку родителей Целмса.

– Добро. Саня, за тобой Захаревский. Притащи его завтра после обеда. Ояр, а ты к этому времени пригласи родителей Целмса.

– Не вопрос.

– Тады разбежались!

Кафе «Якорь» находилось у входа на морской пляж. Море, сосны, дюны – все это весьма способствовало хорошему аппетиту отдыхающих здесь горожан и гостей города. Поэтому, на отсутствие клиентов владелица кафе не жаловалась. Прежде заведение представляло собой летний павильон, и, соответственно, функционировало только в летний сезон. Но три года назад бывшая шеф-повар Бригитта Зариня создала на базе «Якоря» кооперативное кафе, потом выкупила помещение у управления торговли. Утеплила стены, выложила камин, перестроила интерьер в стиле рыбацкой таверны, и «Якорь» стал работать круглый год, постепенно превратившись в излюбленное место отдыха горожан, чему весьма способствовала отменная кухня.

Два года назад доморощенные рэкетиры решили подмять кафе под себя. Пара крепких молодых парней явилась к владелице и вежливо предложила выплачивать определенную сумму за «охрану» заведения. В противном случае не ис-

ключены пьяные дебоши, драки и даже пожары. Бригитта также вежливо пообещала подумать и в тот же вечер обратилась за помощью к сыну своей дальней родственницы Ояру Долгоногову. Тот, в свою очередь, поделился проблемой со своим другом Олегом Островецким, недавно вернувшимся из Афгана. Официальный ход делу давать не стали – бойцы-«афганцы» на тот момент взяли верх над офицерами милиции – и решили закрыть вопрос кардинально.

Разбираться с «быками»[27] было неэффективно – пустая трата времени, поэтому Ояр и Олег летним погожим вечером дождались в подъезде местного «авторитета» по кличке Насос, под которым ходили рэкетиры, втолкнули его в собственную квартиру и доходчиво объяснили ему всю неприглядность его поведения. Мол, дражайший Насос, хватит с вас доходов от проституции, самогонщиков и различных темных предприятий. И не стоит облагать данью честных трудяг, своим потом добывающих себе хлеб насущный, ибо это может закончиться в лучшем случае тюрьмой, а в худшем – сырой ямой где-нибудь в лесной глуши. Эта мысль была удачно аргументирована прижатым ко лбу «авторитета» пистолетом Макарова.

Будучи неглупым и практичным человеком, Насос справедливо решил, что воевать с ментами – себе дороже, с тех пор Бригитту и других предпринимателей, честно ведущих свои дела, оставили в покое. Бригитта же в знак благодарно-

---

[27] * «Быки – рядовые члены преступной группировки *(жарг.)*.

сти накрыла шикарный стол и с тех пор считала своей обязанностью иногда устраивать для ментов застолья. Если же они долго не появлялись, она сама звонила и настойчиво приглашала на шашлыки. Уютная крупная женщина, ровесница Олега, относилась к ментам скорее по-матерински, всегда стараясь их повкуснее накормить. Бригитта не была эффектной, но ее красили добрая улыбка и аппетитная фигура, подчеркнутая в талии кокетливым фартуком. Пользовался ли Ояр ее благосклонностью в интимных делах, оставалось неясным даже для Олега – Долгоногов не особо скрывал свои связи, но и не афишировал их. Но в одном он использовал Бригитту Зариню на полную катушку: ее кафе было идеальным местом для встречи с нужными людьми. В пристройке около кладовой находился маленький кабинетик Бригитты, а рядом туалет, которым разрешали пользоваться и посетителям. Был и второй вход в пристройку, со двора. Поэтому Ояр мог скрытно пробираться в кабинет Бригитты и встречаться там с нужными людьми, приходившими в кафе в качестве простых посетителей. Бригитта не знала, кто именно из них направляется в ее кабинет, минуя туалет – она старалась не заходить в пристройку, когда там находился Ояр, так спокойней.

Вот и этим утром Долгоногов сидел в кабинете владелицы «Якоря» и плотно завтракал бифштексом с картофельным пюре. Раздался негромкий условный стук в дверь. Ояр посмотрел в дверной глазок и впустил в кабинет молодого ху-

дощавого парня лет девятнадцати.

– Присаживайся, Паша! Кушать хочешь? – осведомился Долгоногов.

– Нет, Ояр Петрович, спасибо. Я сделал заказ. Зачем вызывали?

– Ну, тогда я сварю кофе, – Ояр распоряжался в кабинете, как в своем.

Через минуту в турке на маленькой электроплитке вскипел ароматный напиток. Ояр налил его в маленькие чашечки и протянул одну Паше.

На Павла Лосева по кличке Лось Ояр вышел случайно два года назад, работая по раскрытию разбойного нападения на крупного фарцовщика: Лось приторговывал валютой, «король фарцы» был его клиентом. Ояр взял Пашу с поличным, но сдавать БХССникам не стал. В обмен на это Долгоногов потребовал от Лося снабжать его информацией. Павел недолго колебался. Для Ояра это была ценная находка: Лось был в авторитете у малолетней городской шпаны, да и блатные постарше не чурались с ним водиться – умный, толковый парнишка, всегда при деньгах… За последнее время Ояр при помощи информации, полученной от Павла, раскрыл несколько серьезных преступлений. Воров, грабителей и «бакланов»[28] Лось сдавал с видимым удовольствием – сам их терпеть не мог. Получить же от него информацию на «деловых» было посложнее, порой ее приходилось вытаскивать

---

[28] * «Баклан» – хулиган, шпана *(жарг.)*.

из Паши чуть ли не клещами. Но, несмотря на это, Ояр берег и как мог, охранял своего информатора. Он даже не включил его в список своей агентуры, справедливо опасаясь «засветить» парня.

– Вот что, Паша, – Ояр прихлебывал кофе и внимательно наблюдал за собеседником. – Тебе знаком некто Прохоров Виталий по кличке Проша?

– Ну, так, поверхностно. Типа, привет-пока. Он же быдло отмороженное!

– Понимаешь, есть информация, что он убил Чику, – Гунара Целмса.

– Гунчу!? – Павел ошарашено уставился на Ояра. – Да этого не может быть! Я хорошо знаю Гунара – он бы Прошу по стене размазал…

– Тем не менее, есть такое подозрение – Чика ведь пропал десять месяцев назад…

– Ну да, его давно никто не видел. Поговаривали, что он влип в какую-то «непонятку», и свалил из города.

– А я подозреваю, что он закопан где-то в городе! – жестко произнес Ояр.

Павла передернуло. Мысль о том, что приятеля, возможно, уже нет в живых, поразила его.

– А что же делать? Ну, возьмите этого козла, Прошу, и расколите его! Вышибите из него душу!

– Может не сработать. У нас ведь на него практически ничего нет. Мы ничего точно не знаем. Где он убил Чику? Где

тело? Кто ему помогал? А ведь сообщники были. Ты правильно заметил: в одиночку Прохоров бы с Целмсом не справился. Короче, Паша, нужна твоя помощь!

– Но я же ничего об этом не знаю!

– Совершенно верно. Поэтому задание тебе будет не совсем обычное. Раньше я тебя просил просто поделиться информацией, а теперь тебе надо втереться в доверие к Проше и выведать у него информацию об убийстве. Мне нужен весь расклад: когда, где, с кем? Где тело? Короче, максимум того, что из него удастся вытянуть…

Павел задумался. С одной стороны, ему очень не хотелось заниматься этим делом. Раньше он просто делился с Ояром известной ему информацией, а теперь ему предстояло эту информацию добыть, для чего надо было войти в контакт с таким неприятным типом, как Прохоров. В конце концов, это может быть просто опасным. Если Проша действительно «завалил» Чику, то что ему стоит при случае убить и его, Павла? А с другой стороны, Гунара жалко, да и – Лосев взглянул в жесткие глаза Ояра – от Долгоногова просто так не отвязаться. Тот найдет способ заставить выполнить задание! С Ояром шутки плохи!

– Я согласен, – Павел тяжело вздохнул. – Что я должен для этого сделать?

– Прохоров сейчас сидит на сутках, Выходит через два дня. Я тебе сообщу, когда он освободится. Твоя задача: войти с ним в контакт и выведать у него интересующую меня

информацию. Как ты это сделаешь – тебе виднее. В выборе способа действий я тебя не ограничиваю.

Ояр встал и выглянул в коридор. Убедившись, что там никого нет, он пожал Павлу руку и выпустил того из кабинета. Спустя полчаса Ояр через запасной выход покинул кафе.

Утро того же дня Олег Островецкий начал с допроса Павла Бабаенко. Розовощекий упитанный пацан явился в сопровождении родителей. Петр Бабаенко, отец Бублика, работал инженером в порту, мать, Ирина, заведовала магазином. Нормальная, хорошая семья, еще и девочка год назад родилась… Как же они упустили сына?

– Ну что, Павел Петрович Бабаенко, – глядя на щекастого мальчишку, Олег старательно хмурил брови, – рассказывай, как это ты вместе с Захаревскими умудрился обокрасть школьную столовую? И учти: Захаревские во всем признались.

Бублик, насупившись, молчал, уставившись в пол. Ирина Бабаенко схватилась за сердце, Петр показал сыну кулак.

– Вот, – Ирина принялась выгружать из хозяйственной сумки банки со сгущенным молоком. – Притащил позапрошлой ночью. Он обычно до одиннадцати вечера гуляет, ну, максимум, летом, до двенадцати. А тут – два ночи, а его нет. Мы переполошились, хотели уже в милицию звонить, он в три является… Притащил эту сгущенку, довольный такой – продукты в дом добыл. Мы: где взял? Отнеси туда,

откуда принес! Молчит, как партизан. А он это, значит, все украл?

– Ну, погоди, добытчик! Придем домой – я тебе всю задницу ремнем разрисую! – Петр грозно смотрел на сына.

– Сынок, как же это ты? У нас ведь дома все есть, – причитала Ирина.

Бублик упорно молчал.

– Что же ты молчишь, партизан? – улыбнулся Олег. – Неужели так сгущенки захотелось, что воровать пошел?

– Не хотел я воровать, – Пашка поднял на Олега полные слез глаза. – И сгущенка мне не нужна. Они голодные были! Я им из дома еду иногда носил, а им не хватало. Айна сказала, что все равно этой еды мало и надо забрать из столовки – тогда им еды надолго хватит, и никому за это ничего не будет, новые товары привезут. Ну я и помог им. Постоял на углу школы, чтобы сторож нас не поймал, а Колька за это время набрал в столовой еды… Два рюкзака… А мне дали пять банок сгущенки, – Пашка вновь уставился в пол.

– А ты, выходит, пожалел Айну и Кольку? – усмехнулся Олег.

Бублик понуро кивнул головой.

– Значит, их ты пожалел, а у других детей украл? Деньги на новые продукты, конечно, дадут, но это времени требует, а пока будут без завтраков сидеть. Кстати, ты знаешь, что Колька не только вор? Он еще и разбросал по полу – сахар, муку, макароны, печенье… Просто, чтобы другим не доста-

лось!

Мальчишка вскинул на Олега недоумевающие глаза и вновь потупился. Он никак не мог понять: как голодный человек может ни за что, ни про что уничтожать продукты?

– Ладно, партизан. Выйди в коридор. Мне с твоими родителями побеседовать нужно.

Пашка покорно встал и, ссутулившись, покинул кабинет.

– А знаешь, Петр, – сердито сказал Олег, когда за мальчишкой закрылась дверь, – ты себя выпори! Пацан-то хороший, добрый. Просто ему надо внимание уделять, быть в курсе его проблем, знать с кем он дружит, с какой компанией связался. А у вас так: сыт, обут, одет – ну и, слава богу! А потом: ой, как это парень по кривой дорожке пошел? А просто – когда малец попал на распутье, некому ему было подсказать, никого рядом не оказалось, отец и мать своими делами занимались!

– Ты прав, майор! Ты кругом прав, – мрачно согласился Петр. – Знаешь ведь как: вкалываешь на работе, чтобы порядок был, чтобы быть на хорошем счету. Не дай Бог сейчас потерять работу! Да и хочется, чтобы голоду не знали, чтобы дом был – полная чаша! Вот и упустил сына. Но теперь все будет по-другому. Я буду рядом, не дам пропасть мальчишке! А как ты планируешь с ним поступить? – с робкой надеждой спросил он.

– А никак! Дело в отношении него я все равно прекращаю – он не подлежит уголовной ответственности. В комис-

сию по делам несовершеннолетних тоже передавать не буду – нечего зря выставлять пацана на позорище. Для него все случившееся и так послужит хорошим уроком. Но на учет в ИДН[29] поставлю – пусть инспекторша понаблюдает за парнем. Вместе вам это будет как-то сподручнее. Да вы не беспокойтесь – она тетка хорошая. Зря дергать пацана не станет!

Олег оформил протокол допроса и дал расписаться Петру и Ирине. Потом позвал Пашку в кабинет, дал расписаться и ему. Мальчишка долго выводил свою фамилию, а затем серьезными глазами посмотрел на отца.

– Ничего, сынок, прорвемся! – Петр погладил его по голове. – Все у нас с тобой будет в порядке. Спасибо, тебе, майор! – он протянул Олегу руку.

Островецкий ответил крепким рукопожатием.

До обеда Олег готовил материалы для передачи в комиссию по делам несовершеннолетних. И хотя дело не уходит в суд, все равно его нужно отработать полностью. Олег допросил Лапиню и ее сотрудниц. Илзе еще пыталась заигрывать, но, натолкнувшись на ироничный взгляд Олега, прекратила эти поползновения. Одну из сотрудниц столовой пришлось признать потерпевшей – из подсобки была похищена ее вязаная кофта, материальной ценности не имеющая. Таковы выкрутасы советского уголовного процесса: вещь ценности не имеет, но ее владелица считается потер-

---

[29] * ИДН – инспекция по делам несовершеннолетних.

певшей, ибо ей причинен моральный вред.

Закончив с бумагами, Олег отправился на обед, а по возвращении его около двери уже караулил Ояр.

– Олег, у меня все готово. Мать Целмса сидит в кабинете Витьки Миллера.

– Хорошо, действуем по плану, – Олег прошел к своему кабинету.

У двери его уже ждали Михайлов и Николай Захаревский, который был все в той же кожаной куртке.

– Заходите, – пригласил их Олег.

Захаревский замялся у двери, не зная, что ему делать дальше.

– Присаживайся к столу, тебе еще бумаги подписывать, – приказал ему Олег.

Тот сел на стул около стола. Михайлов расположился рядом.

– Слушай, сними ты свою куртку! От нее несет, как от помойки, – поморщился Олег. – Повесь ее на вешалку.

Захаревский выполнил эту просьбу.

Олег зачитал ему постановление о прекращении уголовного дела с передачей материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних и дал расписаться.

– Все, свободен! – сказал он, убирая дело в сейф. Затем, как бы вспомнив что-то, спросил у Михайлова: – Стоп, а его фотографировали? Дактилоскопировали?

– Нет, – удрученно ответил Александр.

– Как же так, товарищ старший лейтенант? – принялся выговаривать Олег. – Это ваше упущение! То, что дело прекращено, еще не значит, что его фигурантов не нужно оформить по всем правилам. Таковы требования инструкции, а Вы их нарушаете. Немедленно отведите Захаревского в дежурную часть и сделайте там все, что необходимо. Выполняйте!

– Слушаюсь, товарищ майор! – отчеканил Михайлов. – Топай за мной! – зло бросил он Захаревскому, как будто тот был виноват в его служебных упущениях.

Испуганный Захаревский поплелся за ним.

Спустя несколько минут в кабинет вошел Ояр, ведя за собой миловидную хрупкую женщину с изможденным лицом.

– Это Анна – мать Гунара Целмса, – представил он ее.

Олег взглядом указал на куртку. Глаза Анны расширились, она подошла к вешалке, стала ощупывать куртку, затем развернула ее полы и вдруг, молча стала оседать на пол. Ояр еле успел ее подхватить и усадить на стул. Олег метнулся к графину с водой, налил стакан и поднес его к губам женщины. Анна стала пить, стуча зубами о стакан…

– Это… куртка Гунара, – прошептала она, немного придя в себя. – Я сама зашивала ему подкладку. Где? Где мой сын!? – Анна подняла полные слез и ужаса глаза.

Олег скривился, как от зубной боли и отвернулся к окну.

– Анна, успокойтесь, пожалуйста, – Ояр гладил несчастную женщину по плечу. – Мы ищем, мы его обязательно найдем.

Долгоногов увел всхлипывающую женщину. Олег хмуро смотрел в окно. Значит, этот «божий одуванчик» все-таки причастен к гибели Целмса. Каким образом – еще предстоит выяснить. Олегу захотелось притащить в кабинет Захаревского и немедля начать допрашивать. «Рано! – осек он себя. – Информации еще недостаточно. Захаревский со страху может начать плести разную ерунду, а проверить пока нечем. Ничего, подождем – время работает на нас! Самое главное, мы знаем, в каком направлении копать».

Когда Захаревский вновь заглянул в кабинет, его встретили совершенно равнодушные глаза Олега.

– Чего тебе? – недовольно спросил Островецкий.

– Так это… я куртку у Вас забыл, – промямлил Захаревский.

– А, – вроде бы вспомнил Олег, – забирай и проваливай! Работать мешаешь.

Захаревский снял с вешалки свою куртку и, съежившись, как побитая собака, покинул кабинет.

Прохорова выпустили из ИВС после обеда. Вообще-то, до окончания отмеренного ему срока оставалось еще несколько часов, но Шестаков распорядился оформить его пораньше, на что были свои причины.

В дежурной части Прохорову выдали изъятые у него при задержании вещи, и он вышел на улицу. Стоял погожий денек. Светило редкое в этих краях солнце. Воздух пьянил чи-

стотой и свежестью. Особенно это ощущалось после тяжелой, спертой атмосферы камеры. Прохоров вдохнул полной грудью и двинулся прочь от здания милиции. Он был в прекрасном настроении. Любой человек, к примеру, больной, вынужденный некоторое время провести в замкнутом помещении, выйдя на свежий воздух, ощущает прилив сил и эйфорию. Что же говорить о том, кто только что покинул душную и тесную камеру?

«Эх, выпить бы сейчас, отметить свободу»! – подумал Прохоров и принялся выгребать деньги из карманов. Хватало только на бутылку пива. Проша с досадой засунул мелочь в карман. Внезапно он увидел в толпе прохожих знакомое лицо.

– Лось, здорово! – Прохоров бросился наперерез знакомому.

– А, Проша. Привет! Что-то давно тебя не было видно. Где пропадал? – Павел Лосев старался изобразить на лице максимум доброжелательности.

– На нарах чалился, – гордо сообщил Проша, изображая из себя крутого блатаря.

– Ну-у? – изумился Павел. – А за что?

– Разбил одному хмырю хавальник у ресторана, а потом еще и ментам вломил! – хвастался Проша. – Пять суток, падлы, дали. Вот, откинулся. Отметить бы надо!? – Прохоров, прищурившись, взглянул на Павла. Несмотря на улыбку, глаза его оставались холодными. В них проскальзывало нечто

змеиное.

– Так в чем вопрос? У меня тоже есть, что отметить. Хорошее дельце провернул! – обрадовано воскликнул Павел.

– Только вот «бабок» у меня сей момент нет, – усмехнулся Проша, сверля Павла своим змеиным взглядом.

– У меня есть! Говорю же, хорошее дельце провернул. Это надо обмыть, а то в следующий раз не повезет. Закон бизнеса! – тараторил Паша. Взгляд Проши ему очень не понравился. Он уже пожалел, что ввязался в это дело, но отступать было поздно.

– Тогда так, – Прохоров окинул Павла насмешливым взглядом, – ты дуй в магазин, затарься, а я пока заскочу за одним корешком. Встретимся около «Детского мира».

– А куда мы направимся?

– Есть одно клевое местечко. Не пожалеешь! – Прохоров чувствовал, что Павел его немного побаивается, но относил это на счет своей недавней отсидки.

«Тоже мне – деловой, – ухмыльнулся он про себя. – Встретил крутого мэна и забздел… Сам-то, небось, нар еще не нюхал»?

Спустя пятнадцать минут нагруженный объемистыми пакетами Павел подошел к магазину «Детский мир». Там его уже ждал Проша с каким-то парнем.

– Знакомься, это Вол, – представил его Прохоров.

Вол, рослый, рыхловатый парень, с печатью легкой дебильности на лице, молчаливым кивком поздоровался с Пав-

лом.

– А теперь топайте за мной! – скомандовал Прохоров.

Павел и Вол двинулись за ним.

– Возьми у него пакеты! – приказал Проша Волу.

Тот беспрекословно подчинился.

– Вот баран бестолковый, вечно ему надо обо всем напоминать. Своей тыквой думать не умет, – посетовал Проша Павлу, совершенно не заботясь о том, что его нелестные слова о себе слышит сам Вол. Тот молча тащил пакеты, совершенно не реагируя на обидные слова.

Наконец Проша привел Павла и Вола к одному из домов и стал спускаться в подвальное помещение. Вол без слов двинулся за ним – видимо, бывал здесь не впервые.

– Мы что, в подвале будем пить? – ошарашено спросил Павел.

Не бзди, Лось! Здесь клевое местечко. Топай за мной! – издевательски ухмыльнулся Проша.

Павел неохотно двинулся за ним. «Вот козел, – подумал он, – только вылез из подвала, а его опять в подвал тянет. Такова, видимо, его крысиная порода – только в подвалах и подворотнях он себя комфортно и чувствует».

Где-то впереди еле различимо пробивался через щели тусклый свет лампочки.

– Там у нас что-то вроде штаба. Чмо с Дырсой его сварганили. Они здесь кантуются, когда их мамашка бухарей домой приводит, – счел нужным пояснить Проша.

Возле «штаба» было немного светлее. Прохоров забарабанил кулаком в дверь.

– Кто это? – донесся испуганный голос.

– Ты что, задрота, своих не признаешь!? – рявкнул Проша.

Дверь отворилась. Худенький невысокий парнишка пропустил всех внутрь. «Штаб» представлял собой небольшое помещение, отгороженное от остального подвала дощатой стенкой. Посередине стояло несколько сдвинутых ящиков, заменяющих собой стол, вокруг которых были расставлены ящики для сидения. В углу находилось старое продранное кресло без ножек, у стены – разложенный диван-кровать, на котором сидела симпатичная девчонка, лет четырнадцати-пятнадцати, чем-то неуловимо похожая на открывшего дверь паренька.

– А, и ты здесь? – вместо приветствия спросил Проша.– Это Айна, кликуха Дырса, – представил он девушку Павлу. – А это, – Проша кивнул на паренька, – ее брательник Колян, кликуха Чмо. Вол, выгружай поддачу!

Тот послушно принялся доставать из пакетов спиртное и продукты. На «столе» появились три бутылки водки, банка сока, банка маринованных огурцов, большой круг колбасы, две буханки хлеба, несколько коробок консервов.

– Ну, Лось, ты даешь! – уважительно произнес Проша, глядя на это изобилие. – Гуляем, шпана!

На одном из ящиков в углу стояли замызганные стаканы, лежал большой ржавый кухонный нож. Вол, видимо, знал

свои обязанности: расставил на «столе» стаканы, крупно порезал колбасу и хлеб, и принялся открывать банки с консервами.

Проша плюхнулся в кресло, по-хозяйски оглядывая помещение. Павел присел напротив на одном из ящиков. Айна и Колян расположились на диване.

– Ну, а кто на наливе? – недовольно спросил Проша?

– Давай я буду банковать, – отозвался Павел.

– Молодец, уважаешь честную компанию, – в голосе Проши прозвучала еле уловимая насмешка.

Вовсе не из уважения Павел вызвался наливать. Просто так было проще контролировать процесс: себе наливать поменьше, остальным – побольше…

– Кто не был – тот будет, кто был – не забудет! – провозгласил тост Проша, изображая из себя матерого уголовника.

Выпили. Все, кроме Павла, набросились на еду. Постепенно пьянка стала набирать обороты. Проша хвастал «подвигами», Айна коротко рассказала, как ее и брата повязали за кражу из школьной столовой, но им удалось разжалобить следователя, и они отделались легким испугом. Колян все время ел, и Павел удивился: как в это тщедушное тельце влазит столько пищи?

Он, несмотря на то, что наливал себе поменьше, чувствовал себя прилично захмелевшим, видимо, потому, что почти не закусывал, не в силах побороть в себе брезгливость. Остальных же вообще очень развезло. Говорил в основном

Проша, хвастаясь и расписывая свою крутость. Внезапно он замолчал и уперся тяжелым взглядом в Айну. Какая-то мысль мелькнула в его голове. Он встал и, пошатываясь, двинулся к Айне. На пути его оказался Николай.

– А ну-ка сдрысни отсюда! – уперся в него пьяными мутными глазами Проша.

– Не надо, – прошептал Николай.

Проша схватил его за шиворот и швырнул в кресло. Айна постаралась отодвинуться, но Проша схватил ее за волосы.

– Ложись, сука! – рявкнул он.

Айна попыталась сопротивляться, но, получив сильную затрещину, покорно обмякла.

– Ишь, падла, человек с нар откинулся, а она тут кочевряжится! – рычал Проша, задирая ей юбку и рывком срывая колготки вместе с трусиками.

Приспустив штаны, он взгромоздился на нее и, не обращая внимания на присутствующих, принялся совокупляться.

– Вот видите, как я быстро! – с довольным видом произнес Проша спустя несколько секунд, словно это являлось главным достоинством полового акта. Он сполз с Айны, подтянул брюки и налил себе водки.

– Вол, теперь твоя очередь! – скомандовал он, одним махом опрокинув четверть стакана себе в глотку.

Тот не заставил себя долго ждать и, возбужденно гыгыкая, полез на девушку. Айна уже не сопротивлялась, просто ле-

жала колодой, закрыв глаза. Вол кончил тоже быстро. Видимо, у этих ублюдков быстрота полового акта считалась несомненным достоинством.

Николай сидел, съежившись в кресле, и старался не смотреть, как измываются над его сестрой.

Постепенно небольшое, закрытое помещение наполнилось удушливой смесью запахов пота, спермы и давно не мытых тел. Павел почувствовал легкую тошноту. Он ошалело наблюдал за происходящим. Не то, чтобы он был невинным ягненочком – наоборот, к своим девятнадцати годам он уже много чего повидал в жизни, но происходящее в подвале покоробило даже его.

Проша поймал его взгляд.

– Лось, давай, попользуйся, – с паршивенькой улыбочкой предложил он.

– Спасибо, я как-нибудь в другой раз…

– Брезгуешь моим угощением? – несмотря на ласковую улыбочку в глазах у Проши промелькнули искорки ярости. – Ты нам выставил шикарную поляну, я захотел тебя отблагодарить, ты брезгуешь!? Нехорошо, Лось, совсем нехорошо, – отморозок как бы невзначай взял в руки нож и стал поигрывать им. В его глазах было нечто такое, что Павел решил не искушать дальше судьбу.

Если бы они были один на один, то Павел, естественно, вел бы себя по другому, даже, несмотря на нож в руках у Проши, но эти два выродка – они же по первой коман-

де бросятся на него, как шакалы. «Вот так, наверное, было и с Гунаром», – мелькнуло в мозгу.

Павел подошел к девушке. Она лежала, раскинув ноги, совершенно безучастная к происходящему. В другое время и в другой обстановке Павел, вероятно, был бы вовсе не прочь переспать с ней. Но сейчас она не вызывала у него никакого желания. С трудом Павел настроился на половой акт и с трудом закончил его…

– Вот видишь, Лось – все зашибись! Да ты не бзди – Дырса и не столько выдерживала!

Павел налил себе в стакан немного водки и выпил, чтобы прийти в себя.

– Ну, а теперь ты, Чмо! – издевательски осклабившись, приказал Проша.

– Ты что, охренел? – вскочил Павел. – Она же его сестра!

– Глохни, здесь я командую! – Прохоров приставил к горлу Паши нож. Затем подскочил к Николаю и, схватив его за шиворот, швырнул на Айну.

– Чмо, мне повторить? – зловеще зашипел Проша. – Ты что, задрота, забыл, как я поступаю с теми, кто прет против меня? Хочешь, чтобы я закопал тебя рядом с Чикой? Вол, напомни ему!

– Ты это, Чмо… делай, что Проша говорит… – Вол был тоже не на шутку напуган.

– Проша, пожалуйста, не надо! – скулил Николай…

Айна молча смотрела на Прохорова ненавидящим взгля-

дом. Тот, не обращая на нее никакого внимания, схватил Николая на волосы и приставил к его шее нож.

– Если ты, сучок, ее не оттрахаешь, я Вас обоих прирежу, – свистящим шепотом пообещал Проша.

Николай, дрожа всем телом от ужаса, снял штаны и лег рядом с сестрой. Он пытался что-то сделать, но у него ничего не получалось. Айна, не очень умело, принялась помогать ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.